

К Л А С С И К А   Р У С С К О Й   И Д Е И

ИВАН

ИЛЬИН

**НАЦИОНАЛЬНАЯ
РОССИЯ.
НАШИ ЗАДАЧИ**

Иван Александрович Ильин
Национальная Россия.
Наши задачи (сборник)
Серия «Классика русской идеи»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=13144589

*Национальная Россия. Наши задачи / Иван Ильин: Алгоритм; Москва;
2017*

ISBN 978-5-906979-01-8

Аннотация

Иван Александрович Ильин – русский философ, писатель и публицист, сторонник Белого движения и последовательный критик коммунистической власти в России. Он тяготел к интеллектуальной традиции славянофилов, его взгляды сильно повлияли на мировоззрение русских мыслителей консервативного направления XX века, в числе которых Александр Солженицын.

В книгу «Национальная Россия. Наши задачи» вошли статьи И. А. Ильина, которые рассылались руководящим чинам Русского общевойскового союза (РОВС), созданного в эмиграции генералом Врангелем. Работы

Ильина являлись мощным идеологическим оружием в руках членов РОВС, мечтавших о грядущем национальном диктаторе, способном возродить и обновить Российскую империю.

Сейчас Россия начинает «жить по Ильину», которого В. В. Путин назвал своим любимым философом. И чтобы понять, что ждет нас в будущем, нужно знать, какой идеологией руководствуются сегодняшние власти нашей страны.

Содержание

Предисловие	6
Почему мы верим в Россию	19
Судьба России	29
О страданиях и унижениях русского народа	29
Русская революция как катастрофа, преступление и безумие	37
Почему сокрушился в россии монархический строй?	59
«Каждый народ заслуживает своего правительства»	97
Федерация в истории России	104
О русском национальном самостоянии	114
О возрождении России	121
Надо готовить грядущую Россию	130
Запад против России	137
Запад не знает и не ценит Россию	137
Мировая политика русских государей	145
Мировой самообман	157
О расчленителях России	162
Ненавистники России	168
Что сулит миру расчленение России	183
Конец ознакомительного фрагмента.	189

Иван Александрович Ильин

Национальная

Россия. Наши задачи

© Ильин И. А., правообладатели, 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Предисловие

Великий русский мыслитель, философ, публицист и общественный деятель Иван Александрович Ильин родился в 1883 году в Москве в дворянской семье, многие поколения предков которой были воспитаны на идеалах Православия, Патриотизма, служения Богу, Царю и Отечеству. Окончив Московский университет, Ильин посвятил себя философии, которая была для него не академическим доктринерством, а могучим орудием русской волевой идеи, средством мобилизации национальной жизни. На этом пути он неизбежно вступил в конфликт с режимом еврейских большевиков, выславших его из России, заставив жить на чужбине в Германии и Швейцарии.

Первоначально Ильин приобрел известность как исследователь философии Гегеля. Впоследствии он разрабатывает собственное учение, в котором продолжает традиции русской духовной философии. Анализируя современное общество и человека, Ильин считает, что их основной порок состоит в «расколотости», в противопоставлении ума сердцу, разума чувству. В основе пренебрежения, с которым современное человечество относится к «сердцу», лежит, по мнению Ильина, представление о человеке как вещи среди вещей и тела среди тел, вследствие которого творческий акт трактуется «материально, количественно, формально и тех-

нически». Именно такое отношение, считает Ильин, облегчает человеку достижение успеха чуть ли не на всех его жизненных поприщах, способствуя карьере, получению прибылей, приятному времяпрепровождению. Однако «мышление без сердца», даже самое умное и изворотливое, в конечном счете релятивистично, машинообразно и цинично; «бессердечная воля», сколь бы упорной и настойчивой она ни была в жизни, оказывается по существу животной алчностью и злым произволением; «воображение в отрыве от сердца», каким бы картинным и ослепительным оно ни представлялось, остается в конечном счете безответственной игрой и пошлым кокетством. «Человек, душевно расколотый и нецельный, есть несчастный человек. Если он воспринимает истину, то он не может решить, истина это или нет, ибо он не способен к целостной очевидности... он теряет веру в то, что человеку вообще может быть дана тотальная очевидность. Он не желает признать ее и у других и встречает ее иронией и насмешкой». Ильин видит путь преодоления расколото-сти в том, чтобы восстановить в правах опыт как интуицию, как сердечное созерцание. Рассудок должен научиться «взирать и видеть», чтобы стать разумом, человек должен прийти к разумной и светлой вере «достаточного основания». С «сердечным созерцанием», «совестной волей» и «верующей мыслью» Ильин связывает надежды на будущее – на решение проблем, неразрешимых как для «бессердечной свободы», так и для «противосердечного тоталитаризма». Широ-

кий резонанс получила работа Ильина «О сопротивлении злу силою», в которой Ильин аргументированно критиковал учение Л. Н. Толстого о непротивлении. Рассматривая физическое принуждение или предупреждение как зло, не становящееся добром от того, что оно используется в благих целях, Ильин считает, что за неимением других средств человек для противостояния злу не только имеет право, но и может иметь обязанность применять силу. «Насилием» же, согласно Ильину, оправдано называть только произвольное, безрассудное принуждение, исходящее из злой воли или направленное ко злу.

Верный «великим монархическим традициям и историческим святыням» России, Ильин всю свою жизнь был последовательным сторонником монархического принципа. Мы должны, писал он в проекте письма к итальянскому королю, утвердить «великую историческую роль» монархической идеи, «ее священное, жизненное и творческое значение». Должны «создать и выдвинуть апологию монархического начала, «его религиозную глубину, его нравственные преимущества, его художественную красоту и его государственную патриотическую силу». Полемизируя со своими либеральными оппонентами, Ильин писал: «Монарх отнюдь не противостоит народу, но живет в сердце и в воле каждого из своих подданных; монархия отнюдь не идет против справедливого равенства людей; монархия отнюдь не пренебрегает земною пользою... и т. д.». Будучи сторонником твердого

монархического принципа в государстве, Ильин был противником марионеточных монархий вроде английской, видя в них орудие масонских кругов. Сохранилась секретная записка Ильина генералу П.Н. Врангелю, в которой он разоблачал планы масонских кругов создать «монархию» в России по образцу английской и возвести на престол «императора Кирилла I».

В 1929 году он писал: «Особое место занимает сейчас признание заграничного масонства, русские ложи работают против большевиков и против династии. Основная задача: ликвидировать революцию и посадить диктатуру, создав для нее свой, масонский, антураж. Они пойдут и на монархию, особенно если монарх будет окружен ими или сам станет членом их организации... по-прежнему их главная задача – конспиративная организация своей элиты, своего тайноглавенствующего масонского «дворянства», которое не связано ни с религией, ни с политической догмой, ни политической формой правления («все хорошо, если руководится нашей элитой»).

Масоны готовы поддержать Кирилла Владимировича и деньгами. «Проявившийся манифест вел. кн. Кирилла, – продолжает И.А. Ильин, – не был для меня полной неожиданностью. Еще в мае я узнал, что группа лиц француско-швейцарского масонства, установив, что за вел. кн. Кириллом числится большая лесная латифундия в Польше, еще не конфискованная поляками, но подлежащая в сентябре

1924 года конфискации, работает очень энергично и спешно над приобретением ее у вел. кн. (он не знал о ней!)». На нужды «Императора» должно отчислиться от этой продажи около 150 млн. франков золотом. Сведения были абсолютно точные... Расчеты у масонов были двойкие: или повредить русскому монархизму верным провалом нового начинания, или повредить русскому монархизму возведением на Престол слабого, неумного и, главное, кооптированного масонами и окруженного ими лица. Должен сказать от себя, что менее популярного в России претендента на Престол нельзя было выдумать... К сожалению, вокруг вел. князя стоят люди или находящиеся под фактическим влиянием масонства (мне известны подробности от недостаточно конспиративных масонов), или же рассуждающие так: «Вопрос трона есть вопрос хлеба и денег».

Выдающийся вклад Ильин внес в разработку русской национальной идеологии. В своем докладе «Творческая идея нашего будущего», сделанном в Белграде и Праге в 1934, он формулирует назревающие проблемы русской национальной жизни. Мы должны сказать всему остальному миру, заявлял он, что Россия жива, что хоронить ее – близоруко и неумно; что мы – не человеческая пыль и грязь, а живые люди с русским сердцем, с русским разумом и русским талантом; что напрасно думают, будто мы все друг с другом «перессорились» и пребываем в непримиримом разномыслии; будто мы узколобые реакционеры, которые только думают сводить

свои личные счета с простолюдином или «инородцем».

В России грядет всеобщая национальная судорога, которая, по мнению Ильина, будет стихийно мстительной и жестокой. «Страна вскипит жаждой мести, крови и нового имущественного передела, ибо поистине ни один крестьянин в России ничего не забыл. В этом мнении встанут десятки авантюристов, из коих три четверти будут «работать» на чьи-нибудь иностранные деньги, и ни у одного из них не будет творческой и предметной национальной идеи».

Чтобы преодолеть эту национальную судорогу, русские национально мыслящие люди должны быть готовы генерировать эту идею применительно к новым условиям. Она должна быть государственно-исторической, государственно-национальной, государственно-патриотической. Эта идея должна исходить из самой ткани русской души и русской истории, из их духовного лада. Эта идея должна говорить о главном в русских судьбах – и прошлого, и будущего, она должна светить целым поколениям русских людей, осмысливая их жизнь и вливая в них бодрость.

Главное – воспитание в русском народе национального духовного характера. Из-за его недостатка в интеллигенции и массах Россия рухнула от революции. «Россия встанет во весь рост и окрепнет только через воспитание в народе такого характера. Это воспитание может быть только национальным самовоспитанием, которое может быть проведено самим русским народом, то есть его верной и сильной наци-

ональной интеллигенцией. Для этого нужен отбор людей, отбор духовный, качественный и волевой».

Процесс этот, по мнению Ильина, уже начался «незримо и бесформенно» в России и более или менее открыто за рубежом: «отбор несоблазненных душ, противопоставивших мировой смуте и заразе – Родину, честь и совесть; и непреклонную волю; идею духовного характера и жертвенного поступка». Начиная с меньшинства, возглавляемого единоличным вождем, национальным диктатором русский народ в ближайшие 50 лет должен одолеть и перешагнуть все преграды совокупным, соборным усилием духа.

Публикуемая в настоящем томе серии «Русское сопротивление» книга «Национальная Россия. Наши задачи» была задумана Ильиным как серия закрытых статей 1948–1954 гг. для членов Русского Обще-Воинского Союза (РОВС). Рассылались они размноженные на гектографе с грифом «Еженедельный листок только для единомышленников» и считались своего рода идеологическими инструкциями для борцов за Великую Россию, против всех ее ненавистников. Эти статьи были мощным оружием в борьбе за Россию, и при распространении мыслей и идей, содержащихся в них, полагалось соблюдать конспирацию, о чем была написана особая статья.

Первые статьи были очень краткими и выходили как письма, и среди «единомышленников», которым они рассылались, выбирались те, кто имел пишущую машинку. Позднее

возможность расширилась и статьи стали выходить в виде бесплатных бюллетеней. Только через два года после смерти автора все 215 статей удалось издать типографским способом отдельной книгой.

Опубликованная в 1956 году, книга стала программой действия для русских патриотов с обозначением главных задач, которые предстоит выполнить русским людям, чтобы возродить Великую Россию.

В этой книге Ильина выкристаллизовывается идея русского духовного патриотизма, который «есть любовь».

Патриотизм, по Ильину, – высшая солидарность, сплоченность в духе любви к Родине (духовной реальности), есть творческий акт духовного самоопределения, верный перед лицом Божиим и поэтому Благодатный. Только при таком понимании патриотизм и национализм могут раскрыться в их священном и непререкаемом значении.

Патриотизм живет лишь в той душе, для которой есть на земле нечто священное, и прежде всего святыни своего народа. Именно национальная духовная жизнь есть то, за что и ради чего можно и должно любить свой народ, бороться за него и погибнуть за него. В ней сущность Родины, та сущность, которую стоит любить больше себя.

Родина, отмечает Ильин, есть Дар Святого Духа. Национальная духовная культура есть как бы гимн, всенародно пропетый Богу в истории, или духовная симфония, исторически прозвучавшая Творцу всяческих. И ради создания

этой духовной музыки народы живут из века в век, в работах и страданиях, в падениях и подъемах. Денационализируясь, человек теряет доступ к глубочайшим колодцам духа и к священным огням жизни, ибо эти колодцы и эти огни всегда национальны.

По Ильину, национализм есть любовь к исторически-духовному облику своего народа, вера в его Богоблагодатную силу, воля к его творческому расцвету и созерцание своего народа перед лицом Божиим. Наконец, национализм есть система поступков, вытекающих из этой любви, из этой веры, из этой воли и из этого созерцания. Истинный национализм не темная, антихристианская страсть, но духовный огонь, возводящий человека к жертвенному служению, а народ к духовному расцвету. Христианский национализм есть восторг от созерцания своего народа в плане Божиим, в дарах Его Благодати, в путях Его Царствия.

Правильные пути, ведущие к национальному возрождению России, по Ильину, следующие: вера в Бога; историческая преемственность; монархическое правосознание; духовный национализм; российская государственность; частная собственность; новый управляющий слой; новый русский духовный характер и духовная культура.

В статье «Основная задача грядущей России» Ильин писал, что основная задача русского национального спасения и строительства «будет состоять в выделении кверху лучших людей, – людей, преданных России, национально чувству-

ющих, государственно мыслящих, волевых, идейно-творческих, несущих народу не месть и не распад, а дух освобождения, справедливости, сверхклассового единения». Этот новый ведущий слой – новая русская национальная интеллигенция должна будет прежде всего осмыслить заложенный в русском историческом прошлом «разум истории», который Ильин определяет следующим образом:

– ведущий слой не есть ни замкнутая «каста», ни наследственное или потомственное «сословие». По своему составу он есть нечто живое, подвижное, всегда пополняющееся новыми, способными людьми и всегда готовое освободить себя от неспособных – дорогу честности, уму и таланту!

– принадлежность к ведущему слою – начиная от министра и кончая мировым судьей, начиная от епископа и кончая офицером, начиная от профессора и кончая народным учителем – есть не привилегия, а несение трудной и ответственной обязанности. Ранг в жизни необходим, неизбежен. Он обосновывается качеством и покрывается трудом и ответственностью. Рангу должна соответствовать строгость к себе у того, кто выше, и беззавистная почтительность у того, кто ниже. Только этим верным чувством ранга воссоздадим Россию. Конец зависти! Дорогу качеству и ответственности!

– новая русская элита должна «блюсти и крепить авторитет государственной власти... Новый русский отбор призван укоренить авторитет государства на совсем иных, благородных и правовых основаниях: на основе религиозного созер-

дания и уважения к духовной свободе; на основе братского правосознания и патриотического чувства; на основе достоинства власти, ее силы и всеобщего доверия к ней».

– указанные требования и условия предполагают и еще одно требование: новый русский отбор должен быть одушевлен творческой национальной идеей. Безыдейная интеллигенция «не нужна народу и государству и не может вести его». Но прежние идеи русской интеллигенции были ошибочны и сгорели в огне революции и войн. Ни идея «народничества», ни идея «демократии», ни идея «социализма», ни идея «империализма», ни идея «тоталитарности» – ни одна из них не вдохновит новую русскую интеллигенцию и не поведет Россию к добру. Нужная новая идея – «религиозная по истоку и национальная по духовному смыслу. Только такая идея может возродить и воссоздать грядущую Россию». Эту идею Ильин определяет как идею русского Православного Христианства. Воспринятая Россией тысячу лет тому назад, она обязывает Русский народ осуществить свою национальную земную культуру, проникнутую христианским духом любви и созерцания, свободы предметности.

Русский народ, считал Ильин, нуждается в покаянии и очищении, и те, кто уже очистился, «должны помочь неочищенным восстановить в себе живую христианскую совесть, веру в силу добра, верное чутье к злу, чувство чести и способность к верности. Без этого Россию не возродить и величия ее не воссоздать. Без этого Русское государство, по-

сле неминуемого падения большевизма, расплзется в хлябь и в грязь».

Ильин, конечно, отдает себе отчет в том, насколько трудна эта задача, весь процесс покаяния и очищения, но через этот процесс необходимо пройти. Все трудности этого покаянного очищения должны быть продуманы и преодолены: у религиозных людей – в порядке церковном (по исповеданиям), у нерелигиозных людей – в порядке светской литературы, достаточно искренней и глубокой, и затем в порядке личного совестного делания.

Покаянное очищение – только первый этап на пути к решению более длительной и трудной задачи: воспитание нового русского человека.

Русские люди, писал Ильин, должны обновить в себе дух, утвердить свою русскость на новых, национально-исторически древних, но по содержанию и по творческому заряду обновленных основах. Это значит, что русские люди должны:

- научиться верить по-новому, созерцать сердцем – цельно, искренно, творчески;

- научиться не разделять веру и знание, вносить веру не в состав и не в метод, а в процесс научного исследования и крепить нашу веру силою научного знания;

- научиться новой нравственности, религиозно-крепкой, христиански-совестной, не боящейся ума и не стыдящейся своей мнимой «глупости», не ищущей «славы», но сильной истинным гражданским мужеством и волевой организацией;

– воспитать в себе новое правосознание – религиозно и духовно укорененное, лояльное, справедливое, братское, верное чести и Родине;

– воспитать в себе новое чувство собственности – за-
ряженное волею к качеству, облагороженное христианским
чувством, осмысленное художественным инстинктом, соци-
альное по духу и патриотическое по любви; – воспитать в се-
бе новый хозяйственный акт – в коем воля к труду и обилию
будет сочетаться с добротой и щедростью, в коем зависть
преобразится в соревнование, а личное обогащение станет
источником всенародного богатства.

* * *

При подготовке настоящего тома использовано первое из-
дание книги «Профессор И.А. Ильин. «Наши задачи. Ста-
тьи 1948–1954». Т. 1–2. Издание Русского Обще-Воинского
Союза, Париж, 1956». При распределении статей взят пред-
метный указатель, составленный самим автором. Подготовка
текста книги к изданию осуществлена Институтом русской
цивилизации.

О. Платонов

Почему мы верим в Россию

Где бы мы, русские люди, ни жили, в каком бы положении мы ни находились, нас никогда и нигде не покидает скорбь о нашей родине, о России. Это естественно и неизбежно: эта скорбь не может и не должна нас покидать. Она есть проявление нашей живой любви к родине и нашей веры в нее.

Чтобы быть и бороться, стоять и победить, нам необходимо верить в то, что не иссякли благие силы русского народа, что не оскудели в нем Божии дары, что по прежнему, лишь на поверхности омраченное живет в нем его исконное боговосприятие, что это омрачение пройдет и духовные силы воскреснут. Те из нас, которые лишатся этой веры, утратят цель и смысл национальной борьбы, и отпадут, как засохшие листья. Они перестанут видеть Россию в Боге и любить ее духом; а это значит, что они ее потеряют, выйдут из ее духовного лона и перестанут быть русскими.

Быть русским значит не только говорить по-русски. Но значит – воспринимать Россию сердцем, видеть любовью ее драгоценную самобытность и ее во всей вселенской истории неповторимое своеобразие, понимать, что это своеобразие есть Дар Божий, данный самим русским людям, и в то же время – указание Божие, имеющее оградить Россию от посягательства других народов, и требовать для этого дара – свободы и самостоятельности на земле. Быть русским значит со-

зерцать Россию в Божьем луче, в ее вечной ткани, ее непреходящей субстанции, и любовью принимать ее, как одну из главных и заветных святынь своей личной жизни. Быть русским значит верить в Россию так, как верили в нее все русские великие люди, все ее гении и ее строители. Только на этой вере мы сможем утвердить нашу борьбу за нее и нашу победу. Может быть, и не прав Тютчев, что «в Россию можно только верить», – ибо ведь и разуму можно многое сказать о России, и сила воображения должна увидеть ее земное величие и ее духовную красоту, и воле надлежит совершить и утвердить в России многое. Но и вера необходима: без веры в Россию нам и самим не прожить, и ее не возродить.

Пусть не говорят нам, что Россия не есть предмет для веры, что верить подобает в Бога, а не в земные обстояния. Россия перед лицом Божиим, в Божьих дарах утвержденная и в Божьем луче узренная – есть именно предмет веры, но не веры слепой и противоразумной, а веры любящей, видящей и разумом обоснованной. Россия, как цепь исторических явлений и образов, есть, конечно, земное обстояние, подлежащее научному изучению. Но и самое это научное не должно останавливаться на внешней видимости фактов; оно должно проникать в их внутренний смысл, в духовное значение исторических явлений, к тому единому, что составляет дух русского народа и сущность России. Мы, русские люди, призваны не только знать историю своего отечества, но и видеть в ней борьбу нашего народа за его самобытный ду-

ХОВНЫЙ ЛИК.

Мы должны видеть наш народ не только в его мятущейся страстности, но и в его смиренной молитв; не только в его грехах и падениях, но и в его доброте, в его доблести, в его подвигах; не только в его войнах, но и в сокровенном смысле этих войне. И особенно – в том скрытом от постороннего глаза направлении его сердца и воли, которым проникнута вся его история, весь его оомолитвованный быт. Мы должны научиться видеть Россию в Боге – ее сердце, ее государственность, ее историю. Мы должны по-новому – духовно и религиозно осмыслить всю историю русской культуры.

И, когда мы осмыслим ее так, тогда нам откроется, что русский народ всю свою жизнь предстоял Богу, искал, домогался и подвизался, что он знал свои страсти и свои грехи, но всегда мерил себя Божьими мерилками; что через все его уклонения и падения, несмотря на них и вопреки им, душа его всегда молилась и молитва всегда составляла живое естество его духа.

Верить в Россию значит видеть и признавать, что душа ее укоренена в Боге и что ее история есть возрастание ее от этих корней. Если мы в это верим, то никакие «провалы» на ее пути, никакие испытания ее силы не могут нас страшить. Естественна наша неутихающая скорбь о ее временном унижении и о мучениях, переносимых нашим народом; но неестественно уныние или отчаяние.

Итак душа русского народа всегда искала своих корней

в Боге и в Его земных явлениях: в правде, праведности и красоте. Когда-то давно, может быть еще в доисторические времена, был решен на Руси вопрос о правде и кривде, решен и запечатлен приговором в сказке:

– «Надо жить по-Божьи... Что будет, то и будет, а кривдой жить не хочу...» И на этом решении Россия строилась и держалась в течение всей своей истории – от Киево-Печерской Лавры до описанных у Лескова «Праведников» и «Инженеров-Бессребреников»; от Сергия Преподобного до унтер-офицера Фомы Данилова, замученного в 1875 году кипчаками за верность вере и родине; от князя Якова Долгорукова, прямившего стойкой правдой Петру Великому, до умученного большевиками исповедника – Митрополита Петербургского Венямина.

Россия есть прежде всего – живой сонм русских правдолюбцев, «прямых стоятелей», верных Божьей правде. Какою-то таинственной, могучей уверенностью они знали-ведали, что видимость земной неудачи не должна смущать прямую и верную душу; что делающий по-Божьи побеждает одним своим деланием, строит Россию одним своим (хотя бы и одиноким, и мученическим) стоянием. И тот из нас, кто хоть раз попытался обнять взором сонм этих русских стоятелей, тот никогда не поверит западным разговорам о ничтожности славянства, и никогда не поколеблется в своей вере в Россию.

Россия держалась и строилась памятью о Боге и пребыва-

нием в Его живом и благодатном дуновении. Вот почему, когда русский человек хочет образумить своего ближнего, он говорит ему: «Побойся Бога!», – а укоряя, произносит слова: «Бога в тебе нет!». Ибо имеющий Бога в себе, носит в своей душе живую любовь и живую совесть: две благороднейшие основы всякого жизненного служения, – священнического, гражданского и военного, судейского и царского. Это воззрение исконное, древнерусское; оно-то и нашло свое выражение в указе Петра Великого, начертанном на Зерцале: «Надлежит пред суд чинно поступать, понеже суд Божий есть, проклят всяк, творяй дело Божье с небрежением». Это воззрение выражал всегда и Суворов, выдвигая идею русского воина, сражающегося за дело Божье. На этом воззрении воспитывались целые поколения русских людей, – и тех, что сражались за Россию, и тех, что освобождали крестьян от крепостного права (на основах, не осуществленных нигде в мире, кроме России), и тех, что создавали Русское земство, русский суд и русскую школу предреволюционного периода.

Здоровая государственность и здоровая армия невозможны без чувства собственного духовного достоинства; а русский человек утверждал его на вере в свою бессмертную, Богу предстоящую и Богом ведомую душу: вот откуда у русского человека то удивительное религиозно-эпическое и спокойное восприятие смерти – и на одре болезни, и в сражении, которое было отмечено не раз в русской литературе, в особенности у Толстого и Тургенева.

Но здоровая государственность и здоровая армия невозможны и без верного чувства ранга. И прав был тот капитан у Достоевского, который ответил безбожнику – «Если Бога нет, то какой же я после этого капитан?» – Творческая государственность требует еще мудрости сердечной и вдохновенного созерцания, или по слову Митрополита Филарета, сказанному во время коронавания Императора Александра II, – она требует – «наипаче таинственного оснения от Господня Духа владычного, Духа премудрости и ведения, Духа совета и крепости».

Этим духом и держалась Россия на протяжении всей своей истории, и отпадения ее от этого духа всегда вели ее к неисчислимым бедам. Поэтому верить в Россию значит принимать эти глубокие и великие традиции, – ее воли к качеству, ее своеобразия и служения, укореняться в них и уверенно строить на них ее Возрождение.

И вот, когда западные народы ставят нам вопрос, почему же мы так непоколебимо уверены в грядущем возрождении и восстановлении России, то мы отвечаем: потому, что мы знаем историю России, которой вы не знаете, и живем ее духом, который вам чужд и недоступен.

Мы утверждаем духовную силу и светлое будущее русского народа в силу многих оснований, из коих каждое имеет свой особый вес и кои все вместе ведут нас в глубину нашей веры и нашей верности.

Мы верим в русский народ не только потому, что он до-

казал свою способность к государственной организации и хозяйственной колонизации, политически и экономически объединив одну шестую часть земной поверхности; и не только потому, что он создал правопорядок для ста шестидесяти различных племен – разноязычных и разноверных меньшинств, столетиями проявляя ту благодушную гибкость и миролюбивую уживчивость, перед которой с таким радостным чувством преклонился однажды Лермонтов («Герой нашего времени», глава I, «Бэла»);

и не только потому, что он доказал свою великую духовную и национальную живучесть, подняв и пересилив двухсотпятидесятилетнее иго татар; и не только потому, что он незащищенный естественными границами, пройдя через века вооруженной борьбы, проведя в оборонительных войнах две трети своей жертвенной жизни, одолел все свои исторические бремена и дал к концу этого периода высший в Европе средний уровень рождаемости: 47 человек в год на каждую тысячу населения;

и не только потому, что он создал могучий и самобытный язык, столь же способный к пластической выразительности, сколь к отвлеченному парению, – язык, о котором Гоголь сказал: «Что ни звук, то и подарок, и право, иное название еще драгоценнее самой вещи»... («Выбранные места из переписки с друзьями». 15. 1);

и не только потому, что он, создавая свою особую национальную культуру, доказал – и свою силу творить новое и

свой талант претворять чужое, и свою волю к качеству и совершенству, и свою даровитость, выдвигая из всех сословий «собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов» (Ломоносов);

и не только потому, что он выработал на протяжении веков свое особое русское правосознание (русский предреволюционный суд, труды российского Сената, русская юриспруденция, сочетающая в себе христианский дух с утонченным чувством справедливости и неформальным созерцанием права); и не только потому, что он создал прекрасное и самобытное искусство, вкус и мера, своеобразие и глубина которого доселе еще не оценены другими народами по достоинству – ни в хоровом пении, ни в музыке, ни в литературе, ни в живописи, ни в скульптуре, ни в архитектуре, ни в театре, ни в танце;

и еще не только потому, что русскому народу даны от Бога и от природы неисчерпаемый богатства, надземные и подземные, которые обеспечивают ему возможность, – в самом крайнем и худшем случае успешного вторжения западных европейцев в его пределы, – отойти в глубь своей страны, найти там все необходимое для обороны и для возвращения отнятого расчленителями, и отстоять свое место под Божьим солнцем, свое национальное единство и независимость...

Мы верим в Россию не только по всем этим основаниям, но, конечно, мы находим опору и в них. За ними и через них сияет нам нечто большее: народ с такими дарами и с

такой судьбой, выстрадавший и создавший такое, не может быть покинут Богом в трагический час своей истории. Он в действительности и не покинут Богом, уже в силу одного того, что душа его искони укоренялась и укоренилась в молитвенном созерцании, в искании горнего, в служении высшему смыслу жизни. И если временно омрачилось око его, и если единожды поколебалась его сила, отличающая верное от соблазна, – то страдания очистят его взор и укрепят в нем его духовную мощь...

Мы верим в Россию потому, что созерцаем ее в Боге и видим ее такую, какой она была на самом деле. Не имея этой опоры, она не подняла бы своей суровой судьбы. Не имея этого живого источника, она не создала бы своей культуры. Не имея этого дара, она не получила бы и этого призвания. Знаем и разумеем, что для личной жизни человека – 25 лет есть срок долгий и тягостный. Но в жизни целого народа с тысячелетним прошлым этот срок «выпадения» или «провала» не имеет решающего значения: история свидетельствует о том, что на такие испытания и потрясения народы отвечают возвращением к своей духовной субстанции, восстановлением своего духовного акта, новым расцветом своих сил. Так будет и с русским народом. Пережитые испытания пробудят и укрепят его инстинкт самосохранения. Гонения на веру очистят его духовное око и его религиозность. Изжившиеся запасы зависти, злобы и раздорливости отойдут в прошлое. И восстанет новая Россия.

Мы верим в это не потому, что желаем этого, но потому, что знаем русскую душу, видим путь, пройденный нашим народом, и, говоря о России, мысленно обращаемся к Божьему замыслу, положенному в основание русской истории, русского национального бытия.

Судьба России

О страданиях и унижениях русского народа

Каждый русский, любящий свой народ и гордящийся своей культурой, наверное не раз спрашивал себя: «Почему именно России суждена такая ужасная судьба? Почему именно Русскому народу надо переносить такие мучения и унижения? Почему именно России пришлось стать гигантской камерой пыток, всемирным позорищем и рассадником заразы?!»...

Этот вопрос духовно естествен и патриотически понятен; плох тот русский человек, которому он никогда не приходил в голову. Но обычно он формулируется неясно и сбивчиво, и это чрезвычайно затрудняет ответ. В нем скрыты по крайней мере четыре различных вопроса: 1. Почему? 2. Кто виноват? 3. За что и 4. Зачем?

«Почему»? – есть вопрос национально-исторический; это вопрос о причинах русской революции, т. е. об общих и частных факторах, приведших к этой национальной трагедии. Над разрешением этого вопроса мы все обязаны постоянно думать, созерцая и исследуя, но отнюдь не облегчая себе от-

вет поверхностной, дешевой и часто клеветнической ссылкой на «реакционное правительство», ссылкой, продиктованной не историческим пониманием, а политической ненавистью.

«Кто виноват?» – есть вопрос обывательско-политический, исходящий из наивного и близорукого представления о том, что все дело в отдельных людях, в их заблуждениях, ошибках, глупостях и преступлениях; что надо этих людей – «сыскать» и по рецепту щедринских «Глуповцев» – «сбросить с раската колокольни». – Этот вопрос наиболее лично-страстный и партийно-пристрастный и потому самый неумный и самый опасный; впрочем, и наименее плодотворный.

Третий вопрос – «за что нам это послано?» – есть вопрос религиозно-философский, который следует рассматривать только среди людей однородного мирозерцания и одной религиозной веры; это вопрос самый трудный, ибо он посягает на уразумение путей Божественного Провидения; и потому он обречен на то, чтобы разрешаться как бы «зерцалом в гадании»...

И, наконец, четвертый вопрос – «зачем?» – есть вопрос практически волевой; это самый важный и плодотворный в жизненном отношении вопрос, над разрешением которого мы все должны были бы неустанно трудиться духовно и политически...

Не следует думать, что все эти вопросы могут быть быстро

и окончательно разрешены. Их будут теоретически исследовать и практически разрушать еще целые поколения. Но кое-что основное, необходимое и полезное для их разрешения должно быть сказано немедленно.

1. Прежде всего – по вопросу о причинах русской революционной трагедии. Он сложен и глубоки: все то, что задерживало политическое и культурное развитие России – климат, почва с ее «мерзлотою», открытая незащищенная равнина, обилие пространств, континентальная замедленность жизни, оторванность от морей, обилие малых и чужеродных племен, особливость языка и быта, положение страны между Востоком и Западом, вечный нажим презрительно-завистливой Европы и вторжения хищно-погромной Азии, бесконечное татарское иго, нескончаемые оборонительные войны, всяческое «воровство», «кривизна» и «неправда» самих русских людей всех сословий (о ней давно уже взывал Хомяков, обличительно и покаянно!), все государственные ошибки, упущения, вся политическая близорукость былой русской власти и многое другое... все это создало известную образовательно-политическую и хозяйственно-техническую отсталость России и русской народной массы; все это затруднило нам нашу национальную борьбу с внешними врагами двадцатого века и с Третьим Интернационалом; все это должно, быть впоследствии вскрыто в составе исторических причин крушения Императорской России.

Но при всем том надо признать следующее.

Болезнь, ныне изводящая Россию, а именно: воинствующее безбожие; антихристианство; материализм, отрицающий совесть и честь; террористический социализм; тоталитарный коммунизм; вселенское властолюбие, разрешающее себе все средства, – весь этот единый и ужасный недуг имеет не русское, а западноевропейское происхождение. В течение девятнадцатого века русская интеллигенция соблазнялась им, как «последним словом передовой культуры», мечтательно, сентиментально и безвольно заражаясь им. В двадцатом веке – многонародно-международная, полурусская полуинтеллигенция, зараженная им до мозга костей, тупая, волевая и жестокая, – пошла в грозный час мировой войны на штурм, захватила власть в России и превратила нашу страну в опытный рассадник этой духовной чумы. Эта-то чума и принесла нам все наши национальные мучения и унижения, с тем, чтобы впоследствии (ныне!) наградить ими и соседние народы Запада и Востока, считавшие себя «неугрожаемыми»...

Но почему же нам не удалось оборониться от этого застоя? – Потому, что русская национальная интеллигенция не понимала своего народа, не разумела его монархического правосознания, не умела верно вести его и отвернулась от своих Государей. И еще: по невежеству, ребячливой доверчивости и имущественной жадности народной массы. И еще: по недостатку волевого элемента в русском Православии последних двух веков. И, главное, – по незрелости русского на-

ционального характера и русского национального правосознания.

Запад выносил погубительную идею и программу, но именно потому он сам мог противопоставить ей волевой, социальный и организованный отпор; а в русском народном организме не оказалось – для занесенных в него «бактерий» – необходимых «антитоксинов». Полуинтеллигенция Востока уверовала в западного дьявола, как в бога, и поработила многоплеменную российскую массу – сначала соблазном разнуждания, а потом страхом голода, унижения, муки и смерти...

2. На вопрос о «виноватых» – может быть только один ответ: все виноваты – по-своему и на своем месте. По-своему правители, и по-своему подданные; по-своему соблазнитель, и по-своему соблазненные; по-своему волевые люди, и по-своему безвольные. Однако соблазненные и покоренные, страдающее и унижаемые искупают свою вину мукою, очищаются и преображаются; а ныне правящие, соблазнитель и волевые мучители делают свое дьяволово дело до конца. У одних вина в прошлом и теперь они поступали бы иначе; а у других вина – и в прошлом, и в настоящем, и до века. И однажды русский народ, совершив свой крестный путь и свое очищение, в благоприятный час истории ответит им по достоинству и по заслугам.

3. Третий вопрос – «за что нам это послано» – пытается сам предвосхитить свой ответ, ибо он обращается не к Богу любви, милосердия, и прощения, а к «богу» лютого гне-

ва, «талионной» кары (око за око) и неумолимой жестокости. Однако и такой «бог» должен был бы отмерять каждому грешнику по «талону», т. е. столько кары, сколько греха, справедливою мерою. Мы же видим множество невинных в муке и погибели – беспризорных детей, исповедников, людей светлой веры и светлого порыва, самоотверженных героев; мы видим и средних людей в незаслуженной ими сверхсильной муке. А злодеев и соблазнительей мы видим в животном благоденствии и безнаказанности. Вот почему люди, настаивающие на вопросе «за что?», – неизбежно приходят к самым фантастическим выдумкам: еще недавно один из таких «следопытов» утверждал, будто в русских людях наших дней живут «переселившиеся души» злого народа и иного многогрешного века, ныне претерпевающие свое возмездие в новом обличии... Фантазия – поистине нехристианская!

Посему третий вопрос надо изменить в корне, спрашивая не «за что нам это послано?», а «для чего, в какое испытание, в какое научение и удостоверение, закаление и преобразование нам посланы эти мучения и унижения?», с тем, чтобы волею и сердцем принять посланное и вступить на предуказанный путь обновления. Не следует думать, будто страдание всегда посылается человеку в наказание за его грехи. Бог не есть Бог мести и безжалостного воздаяния; Он есть Бог искупления, очищения, одухотворения и преобразования. И христианину надлежит помышлять не только о заслуженной мзде, но, прежде всего и больше всего – о совершенствовании.

нии через сердечное созерцание.

4. И вот третий вопрос приводит нас к четвертому: «ЗАЧЕМ?» Страдания и унижения русского народа должны умудрить и очистить его, открыть ему новые земные горизонты и новые небесные высоты, пробудить его сердце и укрепить его волю. Весь наш душевный уклад должен быть обновлен: в этой трагедии должен завязаться и окрепнуть новый русский национальный характер, укорененный во Христе, сердечный и волевой, достойный и прямой, без изворотливо-лживой хитрости и с живым чувством духовного ранга. В русской душе должен быть преодолен раб; в ней должно начаться новое гражданственно-свободное правосознание.

Русский человек должен перестать поклоняться чужим идолам и дьяволам. Он должен «вернуться к себе», к живым и драгоценным корням своей национальной культуры. Он должен понять, принять и выговорить свою русскую Идею, с тем, чтобы затем осуществить ее во всем – в религии и в науке, в праве и в государственной форме, в искусстве и в труде, в суде, в медицине и в воспитании.

Страдания и унижения революции даны нам для того, чтобы мы увидели ту бездну, в которую нас тянули дореволюционные соблазнитель, и чтобы мы восхотели Божьего; чтобы мы очистились, возродились и заткали ткань новой России. И потому нелепо нам гордиться тем, что мы-де «ничего не пересмотрели» и «ничему не научились»; и еще нелепее нам опять «идти побираться под окнами» западной

культуры, западной религиозности, философии и политики, и выпрашивать себе «на бедность» черствые корки европейских рассудочных выдумок. Россия ждет от нас – своего видения, своей веры, своей мысли и новой, своей государственной формы. И мы должны готовиться к тому дню, когда рухнет в России засилье дьявола.

Русская революция как катастрофа, преступление и безумие

После всего, что произошло в России за 1917 – 1949, нужно быть совсем слепым или неправдивым, чтобы отрицать катастрофический характер происходящего. Революция есть катастрофа в истории России, величайшее государственно-политическое и национально-духовное крушение, по сравнению с которым Смута бледнеет и меркнет.

Смута была брожением; народ перебродил и опомнился. Революция использовала новую смуту и брожение и не дала народу ни опомниться, ни восстановить свое органическое развитие.

Смута была хаотическим бунтом и дезорганизованным разбоем.

Революция оседлала бунт и государственно организовала всеобщее ограбление.

Смуту никто не замышлял: она была эксцессом отчаяния, всенародным грехопадением и социальным распадом. Революция готовилась планомерно, в течение десятилетий; в известных слоях интеллигенции она стала традицией, передававшейся из поколения в поколение; с 1917 года она стала систематически проводиться по заветам Шигалева и чудовищным образом закрепляться: она ломала русскому человеку и народу его нравственный и государственный «костяк»

и нарочно неверно и уродливо сращивала переломы.

Смута длилась 9 лет (1604 – появление Самозванца, 1613 – избрание на царство Михаила Федоровича). Революция тянется уже 32 года и конца ей не видно. Подрастают новые поколения, живущие в России, но не знающие ни ее истории, ни ее священных традиций, ни ее международного положения.

Смута разразилась в сравнительно первобытной России, расшатанной и оскудевшей от террора Иоанна Грозного. Революция была подготовлена и произведена в России, которая культурно цвела, хозяйственно богатела и прогрессивно реформировалась. Россия начала XX века имела две опасности: войну и революцию. Войну ей сознательно навязала Германия, чтобы остановить ее рост; революцию в ней сознательно раздули революционные партии, чтобы захватить в ней власть.

После смуты Россия была разорена (засевалась всего одна двадцать третья часть прежней площади); но она сохранила свой национальный лик. Революция разоряет и вымаривает ее систематически, и симулирует ее мнимое «богатение»; она исказила ее национальный лик, отменила даже ее имя и превратила ее в мировую язву, грозящую всем народам.

Поэтому русская революция есть величайшая катастрофа – не только в истории России, но и в истории всего человечества, которое теперь слишком поздно начинает понимать, что советский коммунизм имеет европейское проис-

хождение и что он теперь ломится назад, – на свою «родину». Ибо он готовился в Европе сто лет в качестве социальной реакции на мировой капитализм; он был задуман европейскими социалистами и атеистами и осуществлен международным сообществом людей, сознательно политизировавших уголовщину и криминализировавших государственное правление. В мир сошел аморальный властолюбец, сделавший науку и государственность орудием всеобщего ограбления и порабощения, – жестокий и безбожный, величайший лжец и пошляк мировой истории, научившийся у европейцев клясться именем «пролетариата» и оправдывать своими целями самые гнусные средства.

Итак русская революция подготавливалась на протяжении десятилетий (с семидесятых годов) – людьми сильной воли, но скудного политического разума и доктринерской близорукости. Эти люди, по слову Достоевского, ничего не понимали в России, не видели ее своеобразия и ее национальных задач. Они решили политически изнасиловать ее по схемам Западной Европы, «идеями», которой они, как голодные дети, объелись и подавились. Они не знали своего отечества; и это незнание стало для русских западников гибельной традицией со времен главного поносителя России – католика Чаадаева...

Русские революционеры не понимали величайших государственных трудностей, создаваемых русским пространством, русским климатом и ничтожной плотностью русско-

го населения. Они совершенно не разумели того, что русский народ является носителем порядка, христианства, культуры и государственности среди своих многонациональных и многоязычных сограждан. Они не желали считаться с суровостью русского исторического бремени (на три года жизни – два года оборонительной войны!) и хотели только использовать для своих целей накопившиеся в народе утомление, горечь и протест. Они не понимали того, что государственность строится и держится живым народным правосознанием, и что русское национальное правосознание держится на двух основах – на Православии и на вере в Царя. Как «просвещенные» неверы, они совершенно не видели драгоценного своеобразия русского Православия, не понимали его мирового смысла и его творческого значения для всей русской культуры. Они не видели тех опасностей, которые заложены для России – в неуравновешенности русского темперамента, в незрелости русского добродушного, по-детски увлекающегося и шаткого характера и в его многосотлетней привычке активно и ответственно строить свое государство. Они не понимали, что западные демократии держатся на многочисленном и организованном «среднем сословии» и на собственническом крестьянстве, и что в России нет еще ни того, ни другого.

Они видели только сравнительную бедность и нравственную удобособлазнимость русского народа, – и десятилетиями демагогировали его. И никому из них и в голову не при-

ходило, что народ, не привыкший к политической свободе, не поймет ее и не оценит; что он злоупотребит ею для дезертирства, грабежа и резни, а потом продаст ее тиранам за личный и классовый прибыток... Подпиливали столбы и воображали себя титанами «Атлантами», способными принять государственное здание на свои плечи. Закладывали динамит и воображали, что удастся снести одну крышу, которая немедленно сама вырастет вновь из «нерухнувшего» здания. Сеяли ветер на все четыре стороны и, пожиная бурю, удивлялись, что их парусную лодчонку опрокинуло волною...

На этой политической близорукости, на этом доктринерстве, на этой безответственности, – была построена вся программа и тактика русских революционных партий. Они наивно и глупо верили в политический произвол и не видели иррациональной органичности русской истории и жизни. И слишком поздно поняли свои ошибки. Благоднейшие из них признали свои недоразумения и промахи уже в эмиграции (Плеханов, Церетели, Фундаминский), тогда как другие и доселе восхищаются своим «февральским» безумием...

Она была безумием и притом разрушительным безумием. Достаточно установить, что она сделала с русской религиозностью всех исповеданий, в особенности с православной церковью; что она учинила с русским образованием, в особенности с высшим и средним образованием, с русским искусством, с русским правом и правосознанием, с русской семьей, с чувством чести и собственного достоинства, с рус-

ской добротой и с патриотизмом...

Она была безумием со стороны самих умеренно-революционных и полуреволюционных партий, кои вскоре были уничтожены со всеми их планами, программами, кадрами, газетами и традициями.

Но она же обнаружила и безумную беспечность и близорукость правых – охранительных партий, который не имели ни творческих идей, ни социальных программ, ни верных кадров в стране. Их хватило только на то, чтобы затруднить великую реформу Столыпина. А «крайне правые» только и умели обманно уверять Государя в «многомиллионности» своего «союза» и в его «верноподданничестве», с тем, чтобы в грозный час опасности предать Царя и его семью на арест, увоз и убиение...

Революция была безумием и для русского крестьянства. Русское крестьянство стояло перед исполнением всех своих желаний; оно нуждалось только в лояльности и терпении. Равноправие и полноправие давалось ему от Государственной Думы (законопроект, выработанный В. А. Маклаковым). Земля переходила в его руки столь стремительно, что, по подсчету экономистов к 1932 году в России не осталось бы ни одного помещика: все было бы продано и куплено по закону и нотариально закреплено. Земля отдавалась ему в частную собственность (реформа П. А. Столыпина, 1906). К началу этой реформы Россия насчитывала 12 миллионов крестьянских дворов. Из них 4 миллиона дворов уже владе-

ло землю на праве частной собственности, а 8 миллионов числилось в общинном владении. За 10 лет (1906–1916) на выдел из общины записалось 6 миллионов дворов из восьми. Реформа шла полным ходом в связи с прекрасно организованным переселением; она была бы закончена к 1924 году. Но революционные партии позвали к «черному переделу», осуществление которого было сущим безумием: ибо только «тело земли» переходило к захватчикам, а «право на землю» становилось спорным, шатким, непрочным и прекарным (т. е. срочным до востребования); оно обеспечивалось лишь обманно – будущими экспроприаторами, коммунистами. Итак, историческая эволюция давала крестьянам землю, право на нее, мирный порядок, культуру хозяйства и духа, свободу и богатство; революция лишила их всего. Подготовительный нажим большевиков начался немедленно вслед за «черным переделом» и длился 12 лет. Вслед за тем (1929–1935) коммунисты приступили к коллективизации и, погубив казнями и ссылками не менее 600 000 дворов и семей, ограбили и пролетаризировали крестьян и ввели государственное крепостное право.

Революция была безумием и для русского промышленного пролетариата. Война 1914–1917 гг. поставила его непосредственно перед легализацией свободных рабочих союзов. Революция дала ему гибель его лучших технически обученных кадров; долгие годы безработицы, голода и холода; порабощение в тоталитарных тред-юнионах; снижение

уровня жизни на целые поколения; падение реальной зарплаты; государственную «потогонную систему» (стахановщина); систему взаимного политического сыска, доношительства и концлагеря.

Революция была проявлением безумия и со стороны русского промышленно-торгового класса, который в лице Саввы Морозова, Ивана Сытина и других финансировал революционеров до тех пор, пока не был истреблен ими. А когда гибель стояла уже у порога, этот же самый класс не захотел или не сумел своевременно изыскать средства для борьбы с большевиками. Во время гражданской войны на юге, когда города переходили из рук в руки, – промышленники по уходе белых считали свои «убытки» и «протори», и роптали, а по уходе красных – подсчитывали свои «остатки» и благодарили судьбу за спасение.

Но наибольшим безумием революция была для русской интеллигенции, уверовавшей в пригодность и даже спасительность западноевропейских государственных форм для России и не сумевшей выдвинуть и провести необходимую новую русскую форму участия народа в осуществлении государственной власти. Русские интеллигенты мыслили «отвлеченно», формально, уравнительно; идеализировали чужое, не понимая его; «мечтали» вместо того, чтобы изучать жизнь и характер своего народа, наблюдать трезво и держаться за реальное; предавались политическому и хозяйственному «максимализму», требуя во всем немедленно наилучшего

и наибольшего; и все хотели политически сравняться с Европой или прямо превзойти ее.

И теперь еще люди этого сентиментально-мечтательного поколения покидают земную жизнь, не передумав и вменяя себе это самодовольное упрямство в заслугу «стойкости» и «верности»... Они так и не поймут, что глупо глотать все лекарства, полезные другим; что пальмы и баобабы не всюду растут на воле; что страусы не могут жить в тундре; что республика и федерация требуют особого правосознания, которого многие народы не имеют и коего нет и в России. Не поймут, что народы, веками проходившие через культуру римского права, средневекового города, цеха и через школу римско-католического террора (инквизиция! религиозные войны! крестовые походы против еретиков! грозная исповедальня!) – нам не указ и не образец... Ибо мы, волею судьбы, проходили совсем другую школу – сурового климата, татарского ига, вечных оборонительных войн и сословно-крепостного строя. Что «немцу здорово», то русского может погубить...

Так безумие русской революции возникло не просто из военных неудач и брожения, но из отсутствия политического опыта, чувства реальности, чувства меры, патриотизма и чувства чести у народных масс и у революционеров. Люди утратили органическую национальную традицию и социально-политическое трезвение. В труднейший час исторической войны, когда монарх и указанный им наследник двукратным отречением погасили в народе присягу на вер-

ность, – все это вызвало развал правосознания, безумную толкотню и давку из-за эфемерного полно-равно-правия и столь же мнимого обогащения захватом. Все это брожение возникло отнюдь не из «нищеты», «гнета» или «разрухи». Брожение шло от нежелания отстаивать Россию и держать фронт и от жажды революционного грабежа. По прозорливому слову Достоевского – русский простой народ понял революционные призывы (Приказ № 1) и освобождение от присяги – как данное ему «право на бесчестие», и поспешил бесчестно развалить фронт, удовлетвориться «похабным миром» и приступить к бесчестному имущественному переделу. Это бесчестие выдвинуло наверх демагогов-интернационалистов.

Русские летописи пишут о Смуте, что она была послана нам за грехи, – «безумного молчания нашего ради», т. е. за отсутствие гражданского мужества, за малодушное «хоронячество» и непротивление злодеям. Несомненно, что эти слабости и недостатки сыграли свою роль и в нынешней революции. Но были и иные грехи, важнейшие: утрата русских органических и священных традиций, шаткость нравственного характера, безмерное политическое дерзание и отсутствие творческих идей.

В определенных кругах эмиграции, склонных к политическому доктринерству и социализму, опять заговорили о «традициях», «заветах» и «идеалах» февральской революции (1917 г.), об их единоспасительности и о необходимости

сти вернуться к ним. Поскольку при этом подразумеваются личные мечты февральских деятелей, постольку мы в этом вопросе не компетентны. Это дело будущей истории и притом ее биографической части: февралисты уже выпустили целый ряд мемуаров, и их будущие биографы, наверное, сумеют установить, каковы были их мечты, идеалы и намерения. Но для России февральская революция несколько не сводится к этим мечтам и идеалам: она представляет из себя ряд фатальных для русской истории деяний и событий, которые имели совершенно определенный политический уклон и неизбежно вели к совершенно определенным последствиям. И когда нам начинают восхвалять эту злосчастную, постыдную и мучительную эпоху, и рекомендовать этот политический уклон как единospасительный, то мы чувствуем себя обязанными открыто и недвусмысленно формулировать сущность этих деяний и этих «заветов». Предоставим февральским деятелям повествовать о своих идеалах и вздыхать о своих мечтах; предоставим им оправдываться перед Богом, перед своею совестью и перед русским народом. Нас интересует не их субъективно-политические переживания, а объективно-государственный профиль февраля.

В февральской революции надо различать стихийно-массовый процесс военного разочарования, смятения, возмущения, бунта, разнуздания, духовного разложения: здесь действовали не «идеалы» и не «заветы», а нежелание идти на фронт, массовые вожделения и страсти. Это была не поли-

тика, а длительный и нараставший эксцесс, поощрявшийся и разжигавшийся слева. От этого противогосударственного и анархического «эксцесса снизу» надо отличать политическую тактику сверху. Мы будем сейчас говорить не о том, что делала «улица», «толпа» или «масса», а о тех директивах, которые проводились в жизнь сверху, о мерах Временного правительства, воспринявшего «всю полноту власти».

Конечно, деятели февраля могут сказать нам, что уличная революционная и совдепско-большевицкая ситуация была такова, что они ничего иного не могли делать, кроме того, что делали; что у них не было выбора; что в их распоряжении не было ни сил, ни средств; что они просто «рушились» вместе с государственным аппаратом, с армией и национальным хозяйством и только старались обрушиться подостойнее. Но, если так, то в чем же «традиции» и «заветы» февральского Временного правительства? Не в том ли, чтобы рушиться в либерально-гуманно-демократической позе и «политически фигурировать» на тающей льдине, уносимой «полою водою революции»? О такой традиции не стоило бы говорить; к таким «заветам» нечего и призывать. Дело, конечно, обстоит иначе: февралисты и ныне поддерживают свои директивы и меры, считают их правильными и призывают новые поколения русских людей воспринять их и подражать им.

Ведь на самом деле правительство, говорившее и решавшее дела от лица русского государства с марта по ноябрь 1917 года, действовало, повелевало, разрешало, издавало

указы и законы, назначало и увольняло, прокладывая совершенно определенные пути и создавая совершенно определенные традиции («заветы»). Какие же это были пути и какие традиции, заслуживавшие преклонения и подражания?

1. Тактика февраля началась с ноября 1916 года речью Милюкова в Государственной Думе, направленной против Государя и стремившейся подорвать в народе всякое доверие к нему и его семье. Слова «глупость или измена» были восприняты всей страной как обоснованное обвинение Императора в национальной измене и как «штурмовой» сигнал к «революции – во имя победы». На самом же деле Милюков не имел никаких данных для такого обвинения и сам знал, что он никаких данных не имеет. Следственная комиссия Н. К. Муравьева, состоящая сплошь из левых деятелей, установила в дальнейшем полную неосновательность этого обвинения. А Государь и его семья запечатлели впоследствии свою верность России страшную смертью. Это означает, что измена была не на стороне Монарха, а на стороне его инсинуаторов и диффаматоров (ибо выступление Милюкова было обдуманно и решено не им единолично).

Такова «директива февраля: поднять революцию во время войны, не считаясь с войной, прикрываясь ее целями и начать эту революцию изменнической клеветой на законного Государя.

2. Следующим актом революции был «Приказ № I». Нам безразлична подробная история его составления и опубли-

кования: не существенны и имена его составителей. Существенно то, что он, по своему точному тексту и смыслу, сделал следующее: 1. Он ввел в армию выбранные «Комитеты от нижних чинов» и призвал в Совдепе представителей от «воинских частей» (пункты 1 и 2); 2. Политически – он подчинил армию выбранным комитетам и Совдепу, введя тем двоевластие и предоставив право и комитетам и Совдепу дезавуировать приказы Военного Командования (пункт 3); 3. Он противопоставил приказам Военной Комиссии Государственной Думы – приказы Совдепа и ввел тем троевластие, т. е. полную и окончательную смуту (пункт 4); 4. Он изъял все оружие армии из ведения ее командного состава, отдав его в распоряжение ротных и батальонных комитетов; этим он вызывающе деградировал все русское офицерство в глазах солдат и всего народа (пункт 5); 5. Вне строя и службы – он провозгласил «политические права солдата», отменил вставание во фронт и отдавание чести (пункт 6); 6. Наконец, он отменил субординационное титулование командного состава и превратил солдатские ротные комитеты в судилище над офицерами (пункт 7). Всем этим он вовлек армию в революционную политику и революционное разложение; и сделал ее совершенно небоеспособною.

Этот приказ мы цитируем по тексту, помещенному в номере 3 «Известий Петроградского Совета». Текст его, найденный нами во французском издании книги Керенского – не соответствует подлинному и первоначальному русскому

тексту: он переведен неточно-смягчающе, пункт четвертый пропущен совсем, так же, как и пункт о «невставании во фронт» и «неотдании чести».

Напрасно указывают на то, что приказ Номер Первый касался только «гарнизона Петроградского Округа»: в действительности он был разослан по всей русской армии, читался и применялся везде.

Существенно также, что этот приказ не был отменен ни военным министром, ни Временным правительством, ни революционной думой. Мало того, провозглашение «политических прав солдата» было через несколько дней подтверждено всем составом Временного правительства, а также приказом № 114 военного министра Гучкова, о чем сообщает в своих воспоминаниях и Керенский (с. 168 и сл., с. 395 франц. издания).

Такова вторая директива февраля: политизировать воюющую армию; подорвать военную субординацию в ней; и, следовательно – внести в нее революцию, разложить ее и лишить ее боеспособности: все это из опасения, как бы верная армия не подавила революцию.

3. Следующим актом революции была амнистия всем преступникам, как политическим, так и уголовным. Она была дана 19 марта 1917 года. О ней не раз упоминает в своих воспоминаниях Начальник Всероссийского Уголовного Розыска А. Ф. Кошко (том I, стр. 214. П, 22. III, 151). По сообщениям, подсказанным фальшивой сентиментальностью

и полным отсутствием государственного смысла, – в хаос революции было выброшено несколько сот тысяч опытных воров и удостоверенных убийц, которые тогда же объединились на съезде «уголовных деятелей» и, конечно, начали, как надо было предвидеть, «новую жизнь»: одна часть вступила в коммунистическую партию и даже прямо в Чеку, другая «завязалась» в толпе и возобновила свою прежнюю деятельность, но уже не угрожаемая распавшимся уголовным розыском.

Такова третья директива февраля: от «гуманной» веры в «человека» и от доктринерской веры в «свободу» – разнудать все наличные в стране злые и преступные силы от большевиков до профессиональных рецидивистов.

4. Следующим актом Временного правительства был разрыв с политически опытными и социально-почвенными силами, ликвидация всего наличного государственного аппарата, как якобы контрреволюционного, и повальное дезавуирование прежней администрации. В результате этого распались все силы, способный поддержать порядок, а силам беспорядка были открыты все возможности. На место профессионального администратора – стал дилетант; опытные деятели порядка заменились неопытными, но пронирыливыми болтунами; наивнейшие «общественные деятели» взялись за дело, в котором они ничего не понимали; и даже в славный и мудрый Правительственный Сенат были введены бездарные доценты и леворадикальные адвокаты.

Такова четвертая директива февраля: разрушить аппарат государственного порядка, которым держалась страна; на все места выдвигать левых, независимо от их неопытности, неумения, бездарности, неискренности и авантюризма; т. е. снижать качество государственного кадра в стране.

Систематическое разрушение государственного аппарата, проводившееся Временным правительством, объясняется прежде всего отвращением февралистов к государственному принуждению.

5. В русском либерале XIX века дремал сентиментальный анархист: либерал начинал с мечты о свободе, воспринимал от всего христианства одно только требование «гуманности», отрицал «насилие», а потом и «всякое принуждение» и кончал в безвластии. Так для Керенского (Воспомин. гл. I) – государственное принуждение сводится к «террору» и «гильотине»; смертная казнь есть для него «классическое орудие самодержавия»; в русской дореволюционной администрации он видит «лакеев и палачей Николая II». Все это, конечно, отвергается с негодованием. Напротив, Временное правительство «творило новое государство», основанное на «любви к ближнему», из «гуманности, терпимости, прощения и кротости». Внешне это выглядело, как «слабость», но на самом деле требовало, видите ли, «великой силы характера».

Вот откуда это разложение власти; февралисты ничего не понимали и ныне ничего не понимают в государстве, в

его сущности и действию. Тайна государственного импони-рования; сила повелевающего и воспринимающего внуше-ния; секрет народного уважения и доверия к власти; уме-ние дисциплинировать и готовность дисциплинироваться; искусство вызывать на жертвенное служение; любовь к Го-сударю и власть присяги; тайна водительства и вдохнове-ние патриотизма – все это они просмотрели, разложили и низвергли, уверяя себя и других, что Императорская Россия держалась «лакеями и палачами», что вся сила государства – в красноречивом «уговаривании» и что этим искусством они владеют, как никто. Понятно, почему Временное правитель-ство не организовывало никаких верных ему воинских ча-стей; почему оно в критическую минуту имело за себя толь-ко добровольцев-юнкеров и женские батальоны; и, наконец, почему оно не могло оборонить Учредительное Собрание. У сентиментальных дилетантов от политики – все расплозлось и пошло прахом.

Вот пятая традиция февраля: государство без принужде-ния, без религиозной основы, без монархического благогове-ния и верности, построенное на силах отвлеченного довода и прекраснословия, на пафосе безрелигиозной морали, на сен-тиментальной вере во «все высокое и прекрасное» и в «ра-зум» революционного народа. Словом: «демократизм» в со-стоянии анархического «умиления».

6. Однако разрушение государственного аппарата, прово-дившееся Временным правительством, имело еще одно весь-

ма трезвое основание: страх перед правыми и перед якобы подготовляемой ими «контрреволюцией».

Страх перед правыми был психологически понятен: слишком долго боролись левые с Императорским Правительством; слишком импонировал им его административный аппарат; слишком суровое возмездие ждало каждого из них в случае провала революции и, торжества консервативной государственности. К этому присоединились еще инерция и близорукость. Но политически этот страх был противогосударствен и необоснован. Противогосударствен – потому, что спасение России требовало объединения всех политических и государственно опытных сил, каковые находились именно справа, а не в кругах революционного подполья, открывшего «Всероссийское Учредительное Собрание» пением гнусного «интернационала». Необоснован этот страх был потому, что «овцы», потерявшие «пастыря», рассеялись, а угрожающие выкрики Маркова Второго о «многомиллионном Союзе Русского народа» были обманны: он просто искал субсидий и заискивал у Государя. В течение всего 1917 года опасность грозила «слева», а не справа. Это понимали все трезвые и патриотически настроенные люди, кроме Временного правительства, которое боролось против «правых», включая сюда и демократически настроенных Корнилова и Деникина, и браталось с левыми – по совдепам и в комиссариатах разлагаемой армии.

Такова шестая директива февраля: опасаться мнимой

контрреволюции; срывать ее начинания всеми средствами; верить в революционную демократичность большевиков и брататься с ними.

7. Было бы, однако, несправедливо приписывать февралистам только сентиментальное примиренчество. На внутреннему социальном фронте они вели замаскированное, но успешное наступление.

Автор настоящей статьи состоял летом 1917 года членом Волостного Исполкома и председателем Волостного Комитета по выборам в Учредительное собрание. Он имел возможность наблюдать агитацию партии социалистов-революционеров среди крестьян и сам читал и разъяснял вслух членам Волисполкома приказ министра земледелия Чернова, в котором выдвигалось два тезиса:

1) Высококультурные помещичьи имения должны быть сохранены до Учредительного Собрания. 2) Таких имений чрезвычайно мало. Выслушав этот приказ, крестьяне сделали вывод, что «Временное Правительство разрешает немедленно приступить к разделу всех остальных имений», тогда как комментатор доказывал им анархическую, преступную и противогосударственную природу этого погромного приказа. Таким образом, Чернов призывал к аграрным пограммам; Керенский выслушивал призывы с мест о помощи и отказывал в защите; а провинциальные деятели их партий, организовывали подвижные погромные отряды.

Такова еще одна традиция февраля: немедленно прово-

дить желательный имущественный передел, осуществляя его в виде фактического захвата и разгрома, но в сентиментально-непротивленчески-замаскированной форме, приписывая его «революционной активности масс»; Учредительное Собрание должно было быть «поставлено перед совершившимся фактом». Само собою разумеется, что никакая сила не могла удержать солдат в армии при известии, что «черный передел» в стране идет полным ходом.

8. В то же самое время февралисты, разложив армию и порядок в стране и замаскировано поощряя «черный передел», попытались, в успокоение союзников, продолжать войну, что и закончилось позором Тарнополя и Риги. Мнимое «предательство революции» Главнокомандующим Корниловым должно было прикрыть весь этот жалкий провал.

Такова восьмая традиция февраля: традиция полного государственного и стратегического бессмыслия.

С нас довольно этого: основные традиции февральской революции вскрыты и формулированы. Они выражались не в словах, в которых аффективно изливались общие места радикального либерализма, революционной демократии и сентиментальной гуманности, а в деяниях, в приказах, назначениях и смещениях, а также в неизбежных последствиях всего этого, погубивших Россию, ее свободу и ее демократические возможности. Вся эта политическая линия проявила такую государственную наивность, такое политическое безволие, такую правительственную неспособность, что стыд и

ужас овладевает русским сердцем, когда теперь вновь раздаются призывы к возрождению этих традиций и когда газеты приносят доказательство того, что февралисты опять собираются брать в свои руки «всю полноту власти».

Но страшен сон, да милостив БОГ!

Почему сокрушился в России монархический строй?

Прошло 35 лет с тех пор, как в России, – так неожиданно, так быстро, в несколько дней, и притом столь трагически и столь беспомощно, – сокрушился, отменился и угас монархический строй. Распалась тысячелетняя твердыня. Исчезла государственная форма, державно державшая и строившая национальную Россию. Священная основа, национального бытия подверглась разложению, поруганию и злодейскому искоренению. И Династия не стала бороться за свой трон. Трон пал, и никто тогда не поднял и не развернул упавшего знамени; никто не встал под ним открыто, никто не встал за него публично. Как если бы никогда и не было дано присяги, как если бы угасли все священные обязательства монархии – и наверху, и внизу. Честных, и храбрых, и верных было немало; но воля у них была как бы в параличе и кадры их были рассеяны по всей стране. И началась отчаянная и гибельная авантюра, длящаяся и до сего дня; и конца ей еще не видно.

И вот, за все эти 35 лет я не знаю ни одной попытки осветить это трагическое крушение, объяснить этот государственный обвал, указать те исторические причины и те политические ошибки, которые привели Россию к такому крушению. Ибо, – скажем это открыто и недвусмысленно, – кру-

шение монархии было крушением самой России; отпала тысячелетняя государственная форма, но водворилась не «российская республика», как о том мечтала революционная полунинтеллигенция левых партий, а развернулось всероссийское бесчестие, предсказанное Достоевским, и оскудение духа; а на этом духовном оскудении, на этом бесчестии и разложении вырос государственный Анчар большевизма, пророчески предвиденный Пушкиным, – болезненное и противоестественное древо зла, рассылающее по ветру свой яд всему миру на гибель.

В 1917 году русский народ впал в состояние черни; а история человечества показывает, что чернь всегда обуздывается деспотами и тиранами. В этом году, который шестнадцатилетний Лермонтов почти за 100 лет перед тем пророчески обозначил как «России черный год», русский народ развязался, рассыпался, перестал служить великому национальному делу – и проснулся под владычеством интернационалистов. История как бы вслух произнесла некий закон: в России возможны или единовластие, или хаос; к республиканскому строю Россия неспособна. Или еще точнее: бытие России требует единовластия – или религиозно и национально укрепленного, единовластия чести, верности и служения, т. е. монархии; или же единовластия безбожного, бессовестного, бесчестного, и притом антинационального и интернационального, т. е. тирании.

И возвращаясь мыслью, воображением и сердцем к до-

революционному времени, когда Россия, оставаясь Россией, органически и в то же время стихийно росла и цвела, мы не можем не спросить себя, как же это тогда – и в тесном династическом кругу, и среди чиновничества, и среди интеллигенции, и в народной массе – как же это тогда люди не видели, что крушение монархии будет крушением самой России? Как не видели они той спасительной политической формы, которая одна только и могла вести и строить русскую жизнь и беречь русскую культуру? Что это было за ослепление? Чего не хватало русским людям для того, чтобы мужественно пережить трудную годину и сохранить религиозно освященную и исторически оправдавшую себя государственную форму? Чего не хватало, – политического предвидения и разума, или верности, или дисциплины, или терпения?

Ибо, в самом деле, мы твердо уверены в том, что если бы Государь Император предвидел неизбежный хаос, яд большевизма и дальнейшую судьбу России, то он не отрекся бы, а если бы отрекся, то обеспечил бы сначала законное престолонаследие, и не отдал бы народ в подчинение тому государственно беспомощному и заранее «обойденному слева» пустому месту, которое называлось Временным Правительством. И в русских обывателях проснулось бы гражданственное начало; и русское крестьянство держалось бы иначе. Но предвидения не было; и государственное начало проснулось сразу лишь в героическом меньшинстве, решившем сопротивляться до конца... Из него и образовалась белая армия.

Чего же не хватало в России? Почему тысячелетняя форма государственного спасения и национально-политического самоутверждения могла исчезнуть с такой катастрофической легкостью от первого же порыва народного, уличного и солдатского бунта?

Ответим: России не хватало крепкого и верного монархического правосознания. Правосознания – не в смысле «рассуждения» только и «понимания» только; но в том глубоком и целостном значении, о котором теперь должна быть наша главная забота: правосознания – чувства, правосознания – доверия, правосознания – ответственности, правосознания – действенной волн, правосознания – дисциплины, правосознания – характера, правосознания – религиозной веры.

Монархическое правосознание было поколеблено во всей России. Оно было затемнено или вытеснено в широких кругах русской интеллигенции, отчасти и русского чиновничества и даже русского генералитета – анарходемократическими иллюзиями и республиканским образом мыслей, насаждавшимися и распространявшимися мировой закулисной с самой французской революция. Оно имело в простонародной душе своего вечного конкурента – тягу к анархии и к самочинному устройению... Вследствие этого оно, по-видимому, поколебало и властную уверенность в самой царствующей Династии.

Начнем с народной массы. На протяжении всей русской истории русское простонародье никогда не теряло склонно-

сти – противопоставить обременительному закону свой собственный, незаконный или противозаконный почин. «До Бога высоко, до Царя далеко»; надо управляться самим; надо разрешать себе больше, чем разрешает власть; надо не бояться правонарушения и преступления и самому «переменивать свою участь». Терпению есть предел. Дисциплина хороша лишь в меру. Русь велика и равнинна. Надо бежать вдаль, искать «свободной» жизни и устраиваться по-новому. И в течение всей русской истории Холопий Приказ должен был работать, не покладая рук.

Люди сбрасывали государственное тягло: «постылое тягло на мир полегло»... И уходили «на волю, в степи и леса. Вот откуда это множество «людей вольных, гулящих», о которых повествуют летописи; людей без оседлости, без органической хозяйственности, но, тем не менее, кормящихся. Вот откуда эти «удалые-добрые молодцы», с атаманами в бархатных кафтанах и с закопанными богатствами; о них слагались легенды и пелись песни, даже и доселе, а ныне уже и по всему свету (песня о Разине, песня о Кудеяре...). И не было в старину твердой грани между разбойниками и казаками; эта грань появлялась лишь тогда, когда «вольные люди» приобретали оседлость и имущество, когда начиналось огосударствление «удалых и добрых молодцев», и когда храброе казачество заселяло и обороняло русские окраины. Тогда анархия постепенно принимала закон и подданство, и в силу веры и совести возвращалось к монархической верности.

Именно так думали про себя и чувствовали русские народные массы: порядок – от Царя; спасти и строить Русь может только царская власть. «Горе тому царству, коим владеют многие»; «лучше грозный царь, чем семибоярщина». Но анархия, развязание, разнуздание, посягание и погром создают более выгодную возможность. Отсюда эти бунты, с разбойниками или самозванными вождями. От времени до времени поднимался всенародный бунт (Смута, Разинщина, Пугачевщина, Ленинщина), когда находился Григорий, или Степан, или Емельян, или Ильич («Пугачев с университетским образованием»), которые разрушали или прямо предписывали анархию посяганий и погромов. И разинские воззвания «иду истребить всякое чиновничество и власть, и сделать так, чтобы всяк всякому был равен»; и пугачевские прокламации; и ленинское «грабь награбленное» – явления одного смысла и порядка. Приходила власть, призывавшая к бунту и грабежу; некий «царь» или поддельный, самозванный, мнимый «лжецарь» узаконял анархию и имущественный передел – и правосознание русского народа, поддаваясь смуте, «кривизне» и «воровству» справляло праздник безвластия, мести и самообогащения. Дурные силы брали верх, а русская история переживала великий провал.

Вот это и случилось в России в 1917 году. Грозная война с грозными неудачами поколебала доверие к военному командованию, а потому и к трону. Крестьянская деревня переживала эпоху аграрного перенаселения и великой рефор-

мы Столыпина. Вопрос земельного приращения стал источником всекрестьянской напряженной тревоги. И вдруг отречение двух Государей от Престола угасило присягу, и верность, и всяческое правосознание; а левые партии – призывающий к грабежу Ленин, рассылающий двусмысленно погромные циркуляры министр Виктор Чернов, открыто исповедующий и практикующий государственное непотребление министр Александр Керенский, и все их агитаторы, рассеянные по всей стране, – понесли развязанному солдату, матросу и крестьянину право на беспорядок, право на самовластие, право на дезертирство, право на захват чужого имущества, все те бесправные, разрушительные, мнимые права, о которых русский простолюдин всегда мечтал в своем анархически-бунтарском инстинкте и которые теперь вдруг давались ему сверху. Соблазн бесчестия и вседозволенности стал слишком велик, и катастрофа сделалась неизбежной.

Монархический лик русского простонародного правосознания как бы поблек и исчез в смуте, а вперед выступила страшная и кровавая харя всероссийской анархии.

Напрасно было бы сомневаться в том, что русское правосознание действительно имело свой монархический лик, которым и держалось русское государство. Желаящий убедиться в этом пусть обратится хотя бы к тому богатству государственной мудрости и монархического чувства, которые накоплены в русских простонародных поговорках и пословицах (см. у Даля, Снегирева, Иллюстрова, Максимова и дру-

гих), – и притом за века. Припомним кое-что из этого духовного богатства, слишком сто лет обессиливавшего пропаганду «народовольцев», «чернопередельцев» и других разрушителей России.

«Без Бога свет не стоит, без Царя земля не правится», «Что Бог на небе, то Царь на земле», «Без Царя земля вдова», «Без Царя народ сирота», «Богом да Царем Русь крепка», «Сердце царево в руке Божьей», «Одному Богу Государь ответ держит», «Царские глаза далеко видят», «Близ Царя – близ чести и смерти», «При солнце тепло, а при Государе добро», «Ни солнышку на всех не угреть, ни Царю на всех не угодить», «Царь добр, да слуги злы». «Царские милости в боярское решето сеются», «Не от Царя угнетенье, а от любимцев царских», «Воля Царя- закон», «Где Царь тут и правда», «Нет больше милосердия, как в сердце царевом», «У Царя колокол по всей России», «Благо царей – в правде судей», «Народ думает, а царь ведает», «Как весь народ вздохнет, до Царя дойдет», «Царь да нищий – без товарищей», «В слепом царстве кривой Царь», «Царский глаз далече сягает»...

Не довольно ли? Уже слышен нам тысячелетний государственный опыт русского народа, умевшего верить своим Царям, чтить их, любить их и служить им верою и правдою. Но Государи отреклись от трона, и в народном сердце угасла присяга. Лик народной верности, ответственности и грозного служения отвернулся и вперед выступила харя предателя, преступника и озлобленного раба. От монархии к анархии,

от анархии к порабощению антихристом на долгие годы смуты и тирании.

Таков был соблазн русского простонародья.

Перейдем теперь к рассмотрению русского интеллигентского правосознания.

Говоря о русской интеллигенции, следует иметь в виду не просто «верхний» общественный строй, как сравнительно более образованный (в старину – боярство и служилое сословие), но тот кадр, который так или иначе приобщается академии и академическому образованию. История этого кадра начинается в России, в сущности говоря, с Ломоносова и с Московского Университета. Социальные верхи старого времени, конечно, имели своих монархически лояльных и своих монархически нелояльных представителей; но прежняя нелояльность сводилась к тому, что бояре и особенно «княжата», не забывшие своего удельного княжения и достоинства, «подыскивались на царство». Это было не республиканство, а особого рода «монархизм в свою пользу», к которому так остро подозрительно относился Иоанн Грозный и который впоследствии дал наиболее показательный и отрицательный плод в лице князя Василия Шуйского, боярина, достаточно «умного» для любой интриги, но совершенно лишённого «дара государить».

Та русская интеллигенция, которую мы имеем в виду, медленно созревала при императрицах Елизавете и Екатерине Второй; ее заграничными «профессорами» были энцикло-

лопедисты, Вольтер и Руссо, ее практической школой была первая французская революция; ее политическими выступлениями были предательское убийство Императора Павла и заговор декабристов. Этим определилось ее направление; в этом сложилась ее традиция; и от этой политической традиции она и поныне не освободилась до конца. Это направление было революционно-республиканское, с своей стороны подготовленное революционно-монархической традицией XVIII века (дворянские перевороты 1730, 1740, 1741 и 1762 годов). Однако, традиция XVIII в. («революционно» возвести на трон новую царицу) получила новое направление: Руссо с Вольтером и Робеспьер с Дантоном убедили русских интеллигентов того времени, что республика означает «свободу» и что поэтому она выше монархии...

Отсюда эта беспочвенная мечта строить Россию без Царя во главе. Первым осуществлением этой мечты должно было стать освобождение русского крестьянства без земли, как это проектировали декабристы; оно неминуемо пролетаризировало бы и ожесточило бы всероссийское крестьянство и возобновило бы разиновщину и пугачевщину в невиданных еще размерах. Император Николай I удержал Россию на краю гибели и спас ее от нового «бессмысленного и беспощадного бунта». Мало того, он дал русской интеллигенции срок, чтобы одуматься, приобрести национально-государственный смысл и вложиться в подготовленные им реформы Императора Александра II. Пушкин осуществил эту

необходимую эволюцию государственности русского правосознания – первый, в самом себе, и для себя и для других. Через 10 лет после его смерти ту же эволюцию пережил Достоевский, увидевший на каторге дно всероссийского простонародья, отвернувшегося от республиканства и социализма, и отчетливо показавши русскому народу – и его верный национально-монархический лик (в «Дневник Писателя»), и его внерелигиозные соблазны и опасности, и его анархокриминальную рожу («Бесы»).

Постепенно сложилась и окрепла монархически лояльная русская интеллигенция, окружившая Александра II Освободителя и осуществившая его реформы. Но именно эти реформы, столь блестяще доказавшие творческие силы верно окруженного русского Государя, – ожесточили не передумавших республиканцев и революционеров и побудили их во что бы то ни стало искать путей к западному подражанию. «Западники» были лояльным аванпостом этого течения; народовольцы и им подобные организации пошли в открытую на террор; Бакунин с Нечаевым образовали крайнюю левую этого движения, которая подобно Петру Верховенскому («Бесы») искала братания с уголовным миром. Последовал целый ряд покушений на драгоценную жизнь Царя-Освободителя: выстрелами, подкопом дворца, взрывом поезда и, наконец, бомбами. Напрасно было бы объяснять это тем, что господа «народовольцы» считали новые реформы «недостаточными» и добивались их углубления. Совсем нет. Здесь

дело шло о монархии: ее творческие успехи, ее во многих отношениях демократические реформы, ее растущая в народе популярность – все это было не страшно для революционеров-республиканцев-социалистов, из подпольных кругов; им надо было вбить клин недоверия, страха и компрометирования между Царем и народом. Реформа в их глазах пресекала и обессиливала революцию. Перемены должны были идти не через Царя и не от Царя, а помимо него и против него; эти перемены не должны были привлекать сердца народа к Царю, ибо это тормозило в глазах одной части революционеров – революционную республику, в глазах другой части – анархию черного передела. Все это было движением революционного максимализма, который впоследствии, на переломе XX века, развернулся в виде большевизма.

Было бы несправедливо и исторически неверно смешивать воедино таких умеренных «западников», как Грановский и Тургенев, с неумеренными западниками наподобие Герцена; было бы еще несправедливее объявлять Герцена «ранним большевиком». Но идейно и духовно водораздел шел именно здесь. Верить ли в спасительность монархии для России? Строить ли Россию, верно помогая ее Государям, через них и от их лица?

Или же считать монархию главным препятствием русско-го прогресса и требовать для России «последовательного и полного народоправства», т. е. Учредительного собрания, выборов» по четырехчленной формуле, республики, феде-

рации и т. д. И этот водораздел был с особенной ясностью и совершенно недвусмысленно формулирован одним из виднейших политических идеологов «февраля» Ф. Ф. Кокошкиным, противопоставившим «старую ненавистную монархию» той республике, которая бесспорно в наших глазах не может не быть наилучшей формой правления (Республика, с. 12–13). Такова была затаенная мысль конституционно-демократической партии: монархический строй, даже и парламентарный, был для «кадетов» с самого начала «ничем иным, как компромиссом» (там же, с. 7) и Ф. Ф. Кокошкин признает даже, что они «стояли на почве социалистического мировоззрения» (там же, с. 6).

Все это вместе взятое и определяет собою тот водораздел, о котором мы упомянули выше. Искренне лояльной, – монархической интеллигенции, которая за последние годы перед революцией группировалась вокруг Столыпина и его аграрной реформы и о которой заграничные наблюдатели этой реформы (напр., берлинский знаток профессор Зеринг) давали такой блестящий отзыв, – противостояла тайно-нелояльная интеллигенция, для которой республика была «бесспорно наилучшей формой правления». Монархия была для них временно необходимым средством, тактически приемлемой переходной ступенью. Они как будто только и ждали того, чтобы пробил час ее исчезновения или свержения. И вот, дождались... Но они, конечно, не только и не просто «ждали», а делали все возможное, чтобы политически изо-

ликовать Царя и его верных помощников и скомпрометировать все их строительство. Вот откуда категорически отказ «кадетских» лидеров от переговоров о вступлении в состав царского министерства; вот откуда их борьба против Столыпина и его реформы; вот откуда клеветническая речь Милюкова в ноябре 1916 года («глупость или предательство»). Вот почему в отречении Государя они увидели не всероссийскую катастрофу, а час «освобождения» России от «ненавистного режима», час перехода к «наилучшей форме правления»!..

Замечательно, что это русское предреволюционное республиканство охватывало не только весь левый сектор «общественности», но и часть более правого. Русская радикальная интеллигенция вряд ли смогла бы назвать в своих рядах какого-нибудь монархиста; разве только Илью Фундаминского, но уже в эпоху эмиграции... И как же он шокировал своими настроениями и речами весь остальной левый сектор эмиграции, ставившей себе в особую заслугу топтание «на старых позициях». Что же касается предреволюционного времени, то можно уверенно сказать: левее конституционно-демократической партии вся русская интеллигенция, а особенно полуинтеллигенция, считала монархию «отжившей» формой правления. И если бы кто-нибудь захотел от нас доказательств, то нам было бы достаточно указать на так называемые «юмористические журналы» 1905–1906 годов: они все были полны стишками, памфлетами и карикатурами, так или иначе восхвалявшими цареубийство или прямо

призывавшими к нему (о, конечно, прикровенно, но в дерзко прозрачных намеках!). Журнальчики эти брались публикой нарасхват и комментировались на всех перекрестках. Был один враг: Государь и Династия, и этот враг должен был быть скомпрометирован; лишен доверия и уважения и поставлен под угрозу изгнания или убиения.

Спросим же: почему вся эта политически неопытная, близорукая и полуобразованная толпа – республиканствовала? Почему? Где и в чем они видели республиканские способности и добродетели русского народа? О чем они думали? На что надеялись? Ответ может быть только один: «на Запад! республика возможна и устрояюща, почему же она у нас была бы невозможна? республика есть (по слову Ф. Ф. Кокошкина) наилучший способ правления; к тому же, он нас сразу же и усовершенствует»... Нам нет надобности отвечать на этот ребячий лепет; история уже дала на него ответ и притом страшный ответ.

Одинаково и правее «кадетов» имелись республиканские фигуры вроде А. И. Гучкова, своевременно воспевавшего младотурецкий переворот и считавшего себя призванным провести нечто подобное и в России. Это, конечно, не было случайностью: издание пресловутого «Приказа № I» по армии, вышедшего в бытность его военным министром Временного правительства и им никак и нигде не отмененного и дезавуированного; не была случайностью и его поездка в Ставку для принятия отречения из рук Государя.

Психологически можно понять, что последние назначения министров многим не казались убедительными; и что влияние известной зловещей фигуры, вращавшейся в сферах, могло многих и тревожить и возмущать. Но фигура эта уже исчезла, а вместе с нею и опасность, ею обусловленная. А идея о том, что Императорский Трон ничем не заменим в России, что Государю невозможно отречься и что нужно помогать ему до конца, и не покидать его с самого начала – была многим, по-видимому, чужда.

Вот, что мы можем установить по вопросу о политическом правосознании русской интеллигенции предреволюционного времени. Она промотала, проболтала, продешевила свою верность монархической России; она не сберегла, а опошшила свое правосознание. И с ребячьим легкомыслием воображала и себя, и русское простонародье республиканки созревшим народом.

Трагедию же изолированного Царя она совершенно не могла постигнуть и осмыслить, как трагедию гибнущей России.

Итак, монархия в России сокрушилась, – так неожиданно, так быстро, так трагически беспомощно – потому, что настоящего, крепкого монархического правосознания в стране не было. В трудный, решающий час истории верные, убежденные монархисты оказались вдали от Государя, не сплоченными, рассеянными и бессильными, а бутафорски «многомиллионный Союз Русского Народа», в стойкости которо-

го крайне правые вожаки ложно уверяли Государя, оказался существующими лишь на бумаге.

Все это не могло не отразиться на самочувствии Государя и правящей Династии. Близился грозный час, когда Государь мог почувствовать себя изолированным, преданным и бессильным; когда могла понадобиться борьба за Трон, а сил для этой борьбы могло не оказаться. И час этот пробил.

Это не есть ни осуждение, ни обвинение. Но прошло 35 лет, и ради восстановления монархии в России мы обязаны выговорить историческую правду. Царствующая русская Династия покинула свой престол тогда, в 1917 году, не вступая в борьбу за него; а борьба за него была бы борьбой за спасение национальной России. Конечно, это оставление Престола имело свои психологические и нравственные основания. Ему предшествовало длительное и притом агрессивно-оформленное давление революционного террора, то поддерживаемого, то прикрываемого республикански настроенной частью интеллигенции. Покушения на благостного реформатора Александра II, закончившееся злодейским убийством его, могли сами по себе поколебать веру в Династию, веру в ее миссию и доверие ее к русской интеллигенции. Убиение Великого Князя Сергея Александровича и прямые угрозы цареубийством в нелегальной и даже легальной («юмористической»!) прессе – должны были обновить это ощущение. Упорное противодействие левых Думе, «Выборгское воззвание» и убийство П. А. Столыпина в присутствии

Государя – все это говорило языком недоверия к Престолу, языком ненависти и угрозы. А между тем никакого отпора этим угрозам, никакой бескорыстно-монархической мобилизации общественности, никакого искреннего, организованного порыва к Престолу в стране не наблюдалось. Русский народный монархизм оставался пассивным и не давал Династии живого ощущения – доверия, любви, поддержки, весомости и единения. При таком положении дел воля Государя могла почувствовать себя изолированной, одинокой, бессильной или даже, как внушали генералы главного командования – прямой помехой в деле национального единения и спасения.

Помимо этого, в первом отречении от Престола и во втором отказе немедленно принять власть – было столько живого патриотизма, опасения вызвать гражданскую войну на фронте и в тылу, столько царственного бескорыстия, скромности в учете своих личных сил и христианского прития своей трагической судьбы («день Иова многострадального» – был днем рождения Государя, о чем сам Государь часто вспоминал), что язык не повертывается сказать слово суда или упрека. И тем не менее историческая правда должна быть выговорена – во имя будущего.

В своем замечательном исследовании, легитимно-обоснованном и лаконически-точном («Императорский Всероссийский Престол, Париж, 1922 г.), сенатор Корево ставит вопрос о том, имел ли Государь Император Николай II право

отречься от трона и дает такой ответ: «В российских основных законах отречение царствующего Императора вовсе не предусматривается. Отречение до занятия Престола считается возможным, но принципиально лишь тогда, когда за сим не предстоит никакого затруднения в дальнейшем наследовании престола и когда царствующий Государь разрешает и санкционирует такое отречение. С религиозной же точки зрения отречение Монарха Помазанника Божья – является противоречащим акту Священного Его Коронования и Миропомазания» (с. 26-38-42).

Далее сенатор Корево указывает на то, что Государь передал право на престол Великому Князю Михаилу Александровичу, «не удостоверясь в его на то согласии» (с. 41), т. е. не обеспечив в труднейший час истории непрерывность законного престолонаследника.

Право отречения за наследника Корево, по справедливости, отвергает совершенно; он считает главным и основным условием законности отречения, чтобы «за сим не предстояло никакого затруднения в дальнейшем наследовании Престола», а отречение за наследника не могло не создать таких затруднений (с. 29–30). Корево признает, что Великий Князь Михаил Александрович вступил на престол в час отречения Государя; что он от престола прямо не отказался, но немедленного восприятия верховной власти тоже не осуществил и обусловил такое восприятие «волею великого народа», имеющего высказаться в Учредительном Собрании. И

вот, Корево прав, когда характеризуете все это, как «полное нарушение Основных Законов»; и в объяснение такого нарушения он ссылается на «революционное насилие и измену» (стр. 125, 42).

В действительности дело обстояло так, что и Государь и Великий Князь отреклись не просто от «права» на престоле, но от своей, религиозно освященной, монархической и династической обязанности блюсти престол, властно править, спасти свой народ в час величайшей опасности и возвращать его на путь верности, ответственности и повиновения своему законному Государю. Нам трудно ныне понять, что двум последним государям нашей правящей династии – Николаю Второму и Михаилу Второму – никто из их окружения (военного или штатского) не сказал в виде верноподданнического совета, что у них в силу русских Основных Законов, коим они присягали и кои составляют самый основной и строгий строй монархического государства – нет права на отречение от престола в час великой национальной опасности и при совершенной необеспеченности в дальнейшем наследования. Объяснить отсутствие такого совета изменою, утомлением, растерянностью людей можно. Но этих объяснений мало: в глубине событий, за всем этим скрывается и открывается отсутствие крепкого и верного монархического правосознания – в высших кругах армии и бюрократии. Если была измена, то Государь был вправе уволить изменников и призвать верных; и дальнейшая гражданская война пока-

зала, что такие верные имелись и что они пошли бы на все. Но те, кто советовал Государю и Михаилу Александровичу отречься, должны были знать и понимать, что они действуют уже не как монархисты, а как республиканцы.

И вот состоялось личное решение Государя: он отрекся за себя и за наследника. Быть членом династии значит иметь не только субъективное право на трон (в законном порядке), а священную обязанность спасать и вести свой народ, и для этого приводить его к чувству ответственности, к чувству ранга, к законному повиновению. Династическое звание есть призвание к власти и обязательство служить властью. Одна из аксиом правосознания состоит вообще в том, что от публично правовых обязанностей одностороннее отречение самого обязанного невозможно; именно эта аксиома и признана в российских Основных Законах. В труднейшие часы исторической жизни Монарх блюдет свою власть и властью ищет национального спасения. Вспомним Петра Великого в часы стрелецких бунтов; или в то время, когда «внезапно Карл поворотил и перенес войну в Украину»; или во время Прутского сидения и несчастья. Вспомним Императора Николая I, шествующего по улицам Петербурга навстречу восставшим декабристам... Отрекся ли бы от власти Царь Алексей Михайлович во время разинского восстания? Отрекся ли бы Петр Великий, уступая бунту стрельцов? Императрица Екатерина во время пугачевского восстания? Император Александр III при каких бы то ни было обстоятель-

ствах?...

Но за последние десятилетия уверенное и властное самочувствие российской правящей Династии как будто бы поколебалось. Быть может, революционный напор ослабил у нее веру в свое призвание, поколебал в ней волю к власти и веру в силу царского звания; как будто бы ослабело чувство, что Престол обязывает, что Престол и верность ему суть начала национально спасительные и что каждый член Династии может стать однажды органом этого спасения и должен готовить себя к этому судьбоносному часу, спасая свою жизнь не из робости, а в уверенности, что законное преемство трона должно быть во что бы то ни стало обеспечено.

Вот откуда это историческое событие: Династия в лице двух Государей не стала напрягать энергию своей воли и власти, отошла от престола и решила не бороться за него. Она выбрала путь непротivления и, страшно сказать, пошла на смерть для того, чтобы не вызывать гражданской войны, которую пришлось вести одному народу без Царя и не за Царя...

Когда созерцаешь эту живую трагедию нашей Династии, то сердце останавливается и говорить о ней становится трудно. Только молча, про себя, вспоминаешь слова Писания: «яко овча на заклание ведеса и яко агнец непорочен прямо стригущаго его безгласен»...

Все это есть не осуждение и не обвинение; но лишь признание юридической, исторической и религиозной правды.

Народ был освобожден от присяги и предоставлен на волю своих соблазнительей. В открытую дверь хлынул поток ока-
янной в истории напористого соблазна и те, которые
вливали этот соблазн, желали власти над Россией во что бы
то ни стало. Они готовы были проиграть великую войну, пра-
вить террором, ограбить всех и истребить правящую Дина-
стию; не за какую-либо «вину», а для того, чтобы погасить в
стране окончательно всякое монархическое правосознание.

Грядущая история покажет, удалось им это или нет.

А на нас, на поколении русских людей, скорбью и мукой
переживших эту революцию, лежит обязанность спросить
себя, в чем же состоит сущность здорового, крепкого и глу-
бокого монархического правосознания и как нам возродить
его в России.

Мы уже не раз ставили этот вопрос, но ни один ответ свой
мы не считали исчерпывающим и всесторонним. А между
тем русскому человеку, если в нем живут национально-пат-
риотические чувства, естественно возвращаться к этому во-
просу и добиваться исчерпывающего ответа.

Одна из основных формул этого ответа должна быть выра-
жена так: русский народ имел Царя, но разучился его иметь.
Был Государь, было бесчисленное множество подданных; но
отношение подданных к их Государю было решительно не
на высоте. За последние десятилетия русский народ расшатал
свое монархическое правосознание и растерял свою гото-
вность жить, служить, бороться и умирать так, как это по-

добавляет убежденному монархисту.

Знаем, что это относится далеко не ко всем русским людям. Помним и никогда не забудем те доблестные воинские подвиги, которые были совершены русской гвардией, армией и флотом в борьбе со смутой 1905 года и со вторгающимся в Россию неприятелем – от рядового до главнокомандующего.

Однако «умение иметь Царя» знает не только форму воинского подвига, но еще и форму гражданской доблести, государственного разума, политического такта и политической сплоченности. И вот в этом отношении русский народ оказался в роковые часы истории не на высоте. Знаем, что и это относится не ко всем русским людям. И на верхах, и в народных низах были люди искренней преданности и служения. Не будем называть имен; укажем лишь на традицию А. Д. Самарина и П. А. Столыпина и вспомним целые кадры русских сенаторов, дипломатов и членов Государственного Совета. Служение их и государственные заслуги – незабываемы.

Но единой и организованной монархической партии, которая стояла бы на страже трона и умела бы помогать монарху – не было. А те, которые пытались выдавать себя за такую «партию», вели линию не государственную, а групповую и не понимали своих исторических и государственных заданий.

Спросим нашу историческую память – где была и что делала эта «монархическая партия» в трудные минуты колебания земли и трона, в мучительные, а потом трагические ча-

сы жизни Государя?

Когда вкрадчивый и с виду добродушный лукавец Сухомлинов, назначенный военным министром в 1909 году и чуть-чуть не назначенный Главнокомандующим Русской Армией в 1914 году, пытается несколько лет подряд уверить Государя, ссылаясь на телеграммы приамурского генерал-губернатора Унтербергера, будто война грозит совсем не с Германией, а с Японией; когда он вслед затем, к ужасу Столыпина, пытается упразднить привисленские крепости (Варшаву, Новогеоргиевск, Ивангород); когда он затем начинает демонстративно вымогать у министерства финансов сотни миллионов на якобы вооружение русской армии, с тем, чтобы не использовать эти кредиты (к началу войны 1914 г. им было не использовано 250 миллионов рублей!) и оставить русскую армию без подготовки и без снарядов, – что сделали эти «монархисты», чтобы открыть глаза доверчивому монарху и спасти армию? Ничего! – Когда тень мнимого «богомольца» появилась у трона, распространяя губительный яд распутства, хвастовства, сплетен, клеветы и коррупции, – что сделала эта «партия» для того, чтобы грудью прикрыть чистоту трона и оберечь его всенародный ореол? Когда и где они дерзнули, спасая Россию, заслужить себе немилость Государя открытою правдою, так, как это делали в свое время Филип Митрополит и князь Яков Долгорукий, а впоследствии Столыпин, Коковцов, Джунковский, Самарин, Тютчев и другие? Ибо позднейшее деяние В.М. Пуришкевича было

не партийным, а личным... Нет, они не дерзнули произнести открыто достойную и спасающую правду, но держали себя, как «незнайки» и «хороняки»...

А когда они увидели, что гвардия легла костями на полях сражений и потеряла свой первоочередной состав, подумали ли они о том, что императорский трон потерял основной кадр своих ближайших защитников и что необходимо заполнить эту страшную брешь новым, идейно непоколебимым отбором? И сумели ли они убедительно доложить об этом самоотверженному Государю, или продолжали успокаивать его пухлякостливыми извещениями о «многомиллионном Союзе Русского Народа», не разумея ничего в событиях и подготавливая февральскую беззащитность трона?!..

А когда саботаж Сухомлинова, приписываемый почему-то его «легкомыслию», довел дело в 1915 году до великого крушения фронта, осмелилась ли эта «партия» представить Государю, что в неудачной войне бремя и ответственность главнокомандования не должны падать на Монарха; что большая стратегия требует воли, волевого мышления, опыта, знания и особенно полководческого таланта, а не только личного обаяния и благостного благородства; что всякая война есть только одна страница в истории народа, а Государь призван обозревать все ее страницы и не должен отдавать трон, этот вековечный источник национально-го правосознания, в залог успеха именно этой войны? Кто из тогдашних «партийных» монархистов был достаточно зрел,

государственно дальноразорок и независим, чтобы «прямить Царю», не думая о личных последствиях?

Когда же совершилось неизбежное и Ставка не оказалась необходимым для войны волевым стратегическим центром (вспомним хотя бы отказ генерала Эверта от наступления на западном фронте в 1916 году!), несмотря на то, что армия была богата доблестными, опытными и вдохновенными полководцами; когда Государь почувствовал себя переутомленным, и, видя бунт петербургской черни и поведение Думы, заколебался о троне, – где оказались тогда представители этого, якобы, «многомиллионного Союза Русского Народа»? Поспешил ли их организационный круг к подножию трона, чтобы укрепить нервно переутомленного и семейно озабоченного Государя, чтобы дать ему хотя бы двадцатитысячный резерв верных и непоколебимых монархистов всех видов оружия, или же он сокрылся в безответственности и неизвестности, предоставляя Государю одиноко решать страшный вопрос? Кто из них решился сказать ему, что русские Основные Законы не знают права на отречение, что Помазанник вообще не отрекается от своего трона в час всенародной беды; что преемство трона в данный час не подготовлено и не обеспечено, что необходимо отставить трон как залог единства России; что отречься, значит развязать всю страну от трехвековой присяги и повергнуть ее в анархию, что есть еще верные люди и что они готовы исполнить свой долг до конца?! Таких верных и мужественных

советников не оказалось у трона. Трон был ими изолирован, покинут, предоставлен своей собственной судьбе. Были командующие, советовавшие Государю отречься. Почему же не было мудрых офицеров и политиков, которые умолили бы не отречься, а бороться за трон, как источник национального спасения?!

А потом, когда Государь и его семья остались одиноки в Царском Селе, – что сделала эта «партия»? Ринулась ли она на спасение трона? Пыталась ли она заставить членов Временного правительства и советский сброд – спасти Государя и увезти его за границу; найти те средства, которые оказались бы действительными и побудили бы революционеров чтить и беречь жизнь Государя и его невинных детей? Куда девались эти люди, умевшие дотеле расходовать только на один свой убогий журнальчик «Земщина» двести тысяч рублей ежегодной казенной субсидии? – А потом, когда Государя увезли в Тобольск, сумели ли они поставить вместо предателя Соловьева хоть одного своего верного человека для связи? – А трагедия Екатеринбурга? Что они сделали для ее предотвращения? Где они все в это время находились? Переодевались? Укрывались? Спасались? И предавали своего и всероссийского монарха?... – И, наконец, когда опасность стала угрожать всем членам Династии, кто из этих «монархистов» пытался уговорить каждого из Великих Князей беречь себя не для себя, а для России? Кто из них сумел поставить династический вопрос на должную высоту, при ко-

торой быть членом Династии не значить иметь «право» на произвольное отречение, и не значит готовиться к пассивному революционному мученичеству, но значит быть обязанными занять трон в положенный час, готовиться к этому и считать себя органом общенародного спасения? И если никто из «верных» монархистов не подумал тогда об этом, то о чем же они думали? Да и думали ли они о чем-нибудь, кроме личного спасения?

Мне известно, что были героические исповедники, подобные московскому протоиерею Восторгову, шедшие на смерть и принимавшие ее; или подобно тому монархисту Матусову, которого я видел в подвале «чеки», где он во всех служебных орденах и в своих партийных значках вызывающе требовал себе расстрела за верность Государю. Но сколько бы ни было таких, – они не составляли того, в чем нуждалась Россия, т. е. продуманной, организованной и отстаивающей национальный трон политической партии. Такой партии в России не было.

История удостоверяет нам, что имелась партийная «головка», постоянно добивавшаяся от правительства то избирательных, то пропагандных субсидий, довольная обильным получением и отзывавшаяся грубыми выходками на недостаточное получение или на прямой отказ (см. у В. Н. Коковцова. «Из моего прошлого». II., с. 164–165 и др.). Но это и было не служение, а личное устройство; не партия монархистов, а группа вымогающих просителей; это была не опора трона,

а собрание льстецов. И те из них, которым удалось впоследствии спастись за границу, промышляли этим и в эмиграции: «Если от вас не будет субсидии, то возьмем из другого источника, но тогда уже будем работать против вас».

От таких людей – ни тогда, ни теперь – не следует ждать для монархии ничего, кроме вреда. Монарху нужны люди дальновзоркие, умеющие разуть знаки истории и верно предвидеть зарождающиеся опасности. Монарху нужны люди правдолюбивые, а не рисующие угодливо оптимистические горизонты там, где история нависает над людьми черной тучей. Государю нужны совестные советники, а не ловцы субсидий. Государю нужен кадр непоколебимых стоятелей, знающих, разумеющих, волею твердых, за которых дела говорят громче лукавых и льстивых слов.

России нужна была настоящая монархическая партия, а ее тогда не оказалось.

Почему? Как объяснить это?

Настоящей, ответственной монархической партии, с глубоко продуманной программой и верной, активной политической тактикой – в России перед революцией не было. Потому монархисты и не могли ни поддержать трон и династию, ни выдвинуть в роковые дни свой крепкий кадр, ни отстоять неприкосновенность и жизнь отрекшегося Государя. Русские монархисты полагали, что они призваны восхвалять, поздравлять, ждать распоряжений, угождать, демонстративно повиноваться, испрашивать субсидии и уверять в своей

преданности; но самостоятельное политическое мышление, но государственная ответственность, но смыкание верного, активного кадра, но создание реальной, силовой опоры для трона – все это «не входило» в призвание «русской» монархической партии. Монархисты как бы «висли» на троне, но не составляли его социального и политического фундамента. И в тот момент, когда трон формально «замолк», оказалось, что монархисты рассыпались прахом и сошли на нет.

Монархически строй сокрушился в России потому, что русский императорский трон имел в стране историческую традицию правосознания, но не имел идейного и волевого кадра, дальнзоркого, сплоченного и способного к активным выступлениям. Русские монархисты обязаны осознать это, с горечью и скорбью признать это, осудить себя и не возвращаться более к этой «политике» пустых фраз и хвастливой пропаганды. Реальная политика не делается ни словами, ни резолюциями, ни восторгами, ни поздравлениями; тем более она не делается пустословными и заведомо неправдивыми уверениями, будто «нас тьмы, и тьмы, и тьмы»... С этим надо покончить: монархист повинен своему Государю не хвастовством и обманами, а правдою и грозно-честным служением.

Монархической партии в истинном смысле этого слова в России не было уже вследствие того, что самая политическая культура страны была в этом отношении первобытна: она только еще начинала завязываться, крепнуть и нахо-

дить свои формы. Самая идея «политической партии» находилась вплоть до 1905 года под запретом. До тех пор русские политические партии могли существовать и работать только нелегально, без разрешения или даже в запрещении; и те из них, который вступили на этот путь раньше, могли бы уже иметь, казалось бы, некоторый организационный опыт. Однако, и их опыт оказался скудным, беспомощным и бездейственным. Достаточно вспомнить, напр., что социал-демократы-меньшевики и социалисты-революционеры, давно уже возившиеся в своем подполье, нисколько не подумали о защите своего «учредительного собрания», не имели в запасе никаких партийно-силовых кадров и разошлись по домам чуть ли не на цыпочках, когда вооруженный матрос посоветовал на ушко их председателю и главному храбрецу Виктору Чернову кончить эту учредительную «канитель» «добровольно».

Русский человек просто не умел еще строить партию и приводить ее в движение. Правда, революционеры научились устраивать небольшие конспиративно-террористические группы и развивать их активность: тайно стовариваться, добывать деньги, подделывать паспорта, уклоняться от полицейской слежки, менять конспиративные квартиры, давать нелегальные ночлеги и явки, обходиться с револьвером и бомбою и устраивать побеги из тюрем. Но напрасно они воображали, что, усвоив все эти разбойничьи приемы, они научились политической деятельности. Ловкий «асса-

син», вроде Савинкова, совсем еще не политик и вся его сутня имеет только тот смысл, что она силится помешать другому, делающему живую государственную работу. Это политическое неумение, это непонимание здоровой государственности и обнаружилось у левых партий во время того демагогического «аукциона», в который они превратили выборы «учредилки» и во время их суточного «правотворчества». После этого провала им оставалось только вернуться к своей прежней тактике: к покушениям (на Урицкого, на Володарского, на Ленина) и к поместным восстаниям (Ярославль, Тамбов, Кронштадт).

Этим я совсем не хочу сказать, что «искусство партии» далось одним большевикам... Напротив, надо признать, что их организация всегда была заговорщической и тоталитарной, а не лояльно-партийной. Они начали с уличной вербовки и все время отбирали купленных наймитов, соблазненных жадников и расчетливых нырял. Они все время нажимали на массы – голодом, страхом, обещаниями и подачками, развращая человеческую совесть и правосознание; и таким способом строили не партию, а тоталитарный государственный аппарат, осуществляя торжество политической полиции над недумающим, обманутым и беззащитным обывателем...

Но кому «искусство партии» совсем не удалось, – это русским монархистам. Они совсем не понимали, в чем же именно состоит призвание монархической партии в России, где правит «абсолютная» власть монарха... Одно из двух: или

монархисты лояльны и приемлют эту «абсолютную» власть, но тогда им нечего предаваться – ни самостоятельной мысли, ни самостоятельным действиям; или же они ее не приемлют – и тогда их партии лучше не существовать...

Здесь мы находим самую главную причину их политического провала.

Русские партийные монархисты по своей политической наивности всегда были склонны смешивать самодержавие монарха с абсолютизмом и воспринимать власть законного Государя как абсолютную. А между тем это далеко не одно и то же и власть законного монарха не может быть абсолютной.

Термин «абсолютной» власти происходит от латинского глагола *absolvo*, что значит развязываю, разрешаю, все дозволяю. И вот абсолютизм утверждает, будто монарх стоит выше всякого права и закона; будто власть его не знает никаких границ; будто ему все позволено, – всякое произволение, бесправие, противозаконие и преступление.

«Самодержавие» монарха указывает как раз на обратное: на правовую и законную природу его власти. Самодержавный монарх есть высший правовой орган, государства; его верховенство устанавливается правом и есть правовое верховенство. Власть монарха не дается ему ни от иноземных, ни от внутригосударственных сил (напр., от армии, от гвардии, от народного голосования, от дворянства, от финансовых кругов); нет, она принадлежит ему в силу закона и воз-

водит его ответственность к высшим источникам, правосознания – к совести, к патриотизму, к Богу. Осуществляет же он ее независимо от всякой чужой воли, именно постольку, поскольку закон присваивает ему его основные полномочия – законодательные, исполнительные, судебные и воинские. В этом его «самодержавие».

Это необходимо продумать и понять раз навсегда: самодержавие отвергает, осуждает и исключает абсолютизм; а абсолютизм отвергает основное в правах Государя, ибо он не признает его законным монархом, он отрицает его высокое звание верховного субъекта права, он снижает его звание до звания тирана, он разлагает и разрушает самую правовую форму монархии. Именно поэтому абсолютизм несовместим с самодержавием, этим высшим проявлением законности на троне, правосознания у монарха, чувства обязанности и ответственности у верховного в государстве лица.

Тиберий, Калигула, Нерон и другие римские тираны – не были самодержавны: они получали свою власть «милостью легионов» и всходили на трон, не признавая ни закона, ни права, ни границ своей власти. Как тираны, они разворачивали свой абсолютизм, правили страхом и злодейством, прикрывали все это своей мнимой «божественностью» и рушились в преступность и позор. Людовик XI, Людовик XIV, Иоанн Грозный шли по их следам и несли бедствия своим народам и государствам.

Абсолютный монарх «все смеет» и «все может», чего же-

лает его политическая или иная похоть («son bon plaisir»). Но самодержавный Государь «смеет» далеко не все, а лишь законное, законами предоставленное, правое, правовое, государственное, совестное, честное, Богу угодное. Тиран не связан правом и законом; он призван к разнузданию и осуществляет его в самых фантастических и свирепых формах. Но именно этим он роняет и позорит свое звание монарха. Напротив, самодержавный монарх знает законные пределы своей власти и не посягает на права, ему не присвоенные; он знает, что Государь, не блюдуший право и закон, сам подрывает свою власть...

Всякому, не усвоившему эти основы монархического строя, мы советуем внимательно прочесть и продумать хотя бы римского историка Светония («Жизнь 12 цезарей»), «Анналы» Тацита и «Культуру итальянского Возрождения» Якоба Буркхарда. Необходимо понять и усвоить, что есть «абсолютизм», что он вносит в душу монарха и к каким поистине ужасным последствиям он ведет. Напротив, все государи, постигшие опасность абсолютного произволения, не унижали, а возвеличивали звание монарха. Так, Фридрих Великий, уступивший мельнику в Сан-Суси – по приговору судьи – право на мельничный шум; Петр Великий, искавший во всем и всегда писанной законности и всегда напоминавший людям, что законы требуют соблюдения; Александр I, умевший отказывать людям в случаях, когда он чувствовал, что «закон выше него»; и все Государи, умевшие не тяготиться

законными формами своего правления, – оставались на высоте своего трона.

Отсюда уже понятно, что законный монарх будет ценить всякое свободно-ответственное слово, всякое честное возражение, всякую государственно-творческую инициативу своих подданных. Петр Великий говаривал: «Полезное я рад слушать и от последнего подданного»... «Весело слушать, когда подданные открыто говорят своему Государю правду; вот чему надо учиться у англичан» (после посещения инкогнито Палаты лордов). Но тиран не потерпит в своих подданных ни самоличного размышления, ни независимого мнения, ни свободного слова (Джугашвили!).

Поэтому подданные самодержавного Государя отнюдь не должны внушать, – ни себе, ни ему, – будто он является «абсолютным» властелином, который требует славословия, лести и безоговорочной покорности, и не терпит ни самостоятельного мнения, ни творческой инициативы. Вспомним, что главной заботой Петра Великого было – пробудить в своем народе творческую инициативу и подсказать ей верное направление. Напротив, предреволюционные партийные монархисты в России считали своей единственной задачей – славословие, слепое повиновение, угождение, предупредительность и недерзание иметь свое суждение... Именно поэтому их «партия» не имела ни самостоятельного суждения о происходящем, ни организационного кадра, ни плана действий, ни соответствующих решений и выступлений. Здесь

не было зрелого политического мнения и не было борьбы за трон... И Государь с Государыней, неосторожно полагаясь на заверения этой «партии», оказались изолированными и выданными врагам. Это не было сознательное «предательство»; но это была пассивность от неумения иметь Царя; это была выдача от бессмыслия, безволия и бессилия. Ожидания были обмануты; надежды не оправданы. И высокие пленники остались невырученными...

Если русские монархисты желают участвовать в дальнейшем в созидании русской истории, то они должны прежде всего пересмотреть и осудить свое прошлое, обновиться, переродиться, вступить на новые пути и не воображать, будто в происшедшей трагедии русского трона повинны все, кроме них. Они – повинны первые, ибо выдавали себя за верных и преданных.

«Каждый народ заслуживает своего правительства»

Сколько раз приходилось нам в эмиграции выслушивать эту глупую, легкомысленную и черствую поговорку от иностранцев! Обычно люди произносят ее с важностью и пренебрежением, тоном исторического откровения. «Ведь вот, у нас на Западе, замечательные народы и у них, вследствие этого, культурные и гуманные правительства. А у вас, в России, всегда было такое правительство, которого ваш ничтожный народ заслуживал; вот и теперь: то же самое, только на выворот»...

И, к сожалению, такое трактование России, ее величавой истории и ее современной трагедии – не ограничивается салонной болтовней. Существует еще и ныне продолжает пополняться целая литература, которая вдалбливает людям такое понимание России. Есть в Европе и особая издательская традиция: переводить из русской литературы все то, что русское перо создало в порядке самообличения и самобичевания, и замалчивать, не переводить того, что обнаруживает истинный Лик России. Один опытный русский литератор рассказывал нам даже, что когда европейцы перевели ради таких целей «Деревню» Бунина и просили его написать об этой книге, то две влиятельные европейские газеты вернули ему его статью, потому что в ней не было сказано «вот имен-

но из этакой гнусности и состоит вся Россия», а было в ней указано на то, что Бунин вообще понимает в человеке только одну жизнь темного и развратного инстинкта и рисует ее сходными чертами у всех народов.

Ныне европейцы, повинувшись все тем же закулисным директивам, повторяют ту же самую ошибку: они делают все возможное, чтобы не увидеть настоящую Россию, чтобы связать ее, смешать ее и отождествить ее с большевиками и чтобы уверить себя, будто русский народ «заслуживает» того угнетающего, уничтожающего и вымаривающего его «правительства», которое его ныне терроризует.

Примем на миг эту глупую и фальшивую поговорку и придумаем ее до конца.

Что же, спросим мы, голландцы в 1560–1584 годах – «заслуживали» правившей тогда диктатуры кардинала Гранвеллы и графа Эгмонда, или они «заслуживали» правления гениального Вильгельма Молчаливого, или «инквизиционного» террора герцога Альбы? Стоит ли ставить такие нелепые и мертвые вопросы?

Что же, англичане в XI веке, с 1625 года до 1643 года «заслуживали» католических казней от Карла Первого, Стюарта, потом до 1649 они «заслуживали» гражданской войны, с 1649 до 1660 они «заслуживали» протестантского террора от Кромвеля, а с 1660 года они «заслуживали» опять католического террора от Карла Второго, Стюарта? Какой же глупец согласится выслушивать такое трактование истории?

Что же «заслуживали» французы, в эпоху своей долгой революции, с 1789 года до 1815 года – королевской власти Людовика XVI, или болтливой Конституанты, или свирепого Конвента, или гнусной Директории, или воинственного деспотизма Наполеона, или реставрации Бурбонов?

А немцы, за последние 30 лет, – «заслуживали» сначала прусского правления Вильгельма II, потом – социал-демократической республики (1918–1933), потом – Гитлера, а теперь на востоке Германии – советской власти, а на западе – оккупационной полуанархии? Нельзя ли придумать какие-нибудь менее поверхностные и не столь нелепые историко-политические мерилы?

Что же сказать нам о ныне поработанных коммунистами малых европейских государствах? Скажем ли мы, что наши братья сербы «заслужили» правительство Иосифа Броза и Моисея Пияде? Или скажем, что чехи и венгры «заслуживают» своих мучителей. Румыны «заслужили» свою Анну Рабинзон, а болгары своего убитого Димитрова?

Или мы не произнесем этих бессовестных глупостей?

Да, народ отвечает за свое правительство, если он сам находится «в здравом уме и твердой памяти» и если он его свободно выбрал. И несомненно, что поскольку народ органически связан со своим правительством – не в порядке завоевания, вторжения, оккупации, бессовестного политического обмана, антинационального подавления, интернационального засилья и революционного террора, а в порядке мирного,

долгого, национального развития, постольку между правосознанием народа и правосознанием правительства возникает органическое взаимодействие и подобие. Вече, свободно избравшее князя или посадника, – отвечало за них. Но у кого же повернется язык сказать, что русский народ отвечал за Бирона, протершегося к власти в порядке низкого угодничества и антинационального подавления? Несомненно, что русский народ должен был бы отвечать за свое постыдное «учредительное собрание» 1917 года, – если бы... если бы он находился тогда «в здравом уме и твердой памяти»; но можно быть совершенно уверенным, что в здравом состоянии он не выбрал бы такой «конституанты». Исторически факт несомненен: тогда народ был выбит из колеи начальными неудачами великой войны, он был развязан угашением монархической присяги и обезумлен – как революционным правлением февралистов, так и большевицкой агитацией.

Но как же мог русский народ «заслужить» того, чтобы его покорили интернациональным обманом и засильем, невиданной в истории тоталитарной системой сыска и террора, революционным завоеванием, вторжением и подавлением? Какие зверские наклонности, какую злодейскую душу, какие адские пороки он должен был бы иметь для того, чтобы «заслужить» все это? Кем должен быть этот народ, чтобы «заслуживать» такое обхождение, такое унижение, такое управление? Мы поймем эти слова в устах германского нациста, объявившего нас «унтерменшами» и заморившего миллио-

ны наших братьев в плену и на работе, но мы никогда не пойдем и не простим подобные слова в устах человека с русской фамилией и с русским пером.

Но именно такова мысль г. Федотова, высказанная им в статье «Народ и власть» (Новый Журнал, кн. 21). Мы уже давно привыкли к тому, что писания этого «профессора» безответственны, двусмысленны и соблазнительны. Он ненавидит «дореволюционную Россию» слепой ненавистью и всегда готов очернить ее вопиющей неправдой. А между тем Россия – вся, какая она была, от вече до Государственной Думы, от Нестора до Пушкина, Достоевского и Лескова, от Сергия Преподобного до Венямина Петроградского и Иоанна Латвийского – была и есть внереволюционная и дореволюционная Россия. И вот суждениям г. Федотова – место не в эмигрантской прессе, а в «Правде» и в «Известиях». Ибо если он иногда и произносит истину, то по методу советской прессы – только для того, чтобы окутать и исказить ее покровом неправды и соблазна.

Русскому человеку, знающему советский строй, непрестительно говорить, что русский народ отвечает за свое коммунистическое правительство, – а именно: «или за то, что его одобряет, или за то, что его терпит». Пусть г. Федотов поедет туда и там научит русский народ, какие есть способы для того, чтобы «не потерпеть» советское правительство. Но он отлично знает, что таких способов нет, и предпочитает безответственно клеймить тех, которые там поднимали вос-

стание за восстанием, продолжая традицию Белой Армии.

Русскому человеку, претендующему на звание «историка», – непростительно говорить, что «русская этика эгалитарна, коллективистична и тоталитарна»; это невежественный вздор – она всегда была христиански-сердечна, сердечно-справедлива и свободолюбива до анархии.

Русскому человеку, считающему себя образованным, непростительно говорить, будто русская «монархия давно прекратила свою просветительную миссию, завещанную Петром», будто русская «бюрократия, сделала политику делом личной корысти», будто православная «Церковь выбросила социальную этику из своего обихода и умела только защищать власть и богатство». Все это неправда, все это соблазн, все это разложение эмиграции с тыла и пропаганда против России, столь полезная нашим иноземным врагам и коммунистам. И всю эту неправду (и многую другую!) совсем не надо было нагромождать для того, чтобы под конец сказать, что русский народ нуждается в покаянии. Да, конечно, нуждается, не только в покаянии, а в долгом нравственном очищении. Но прежде всех в нем нуждается г. Федотов и ему подобные поносители исторической России.

«Каждый народ заслуживает своего правительства»... Нет, наоборот: каждый народ заслуживает, – и морально, и политически, – лучшего правительства, чем то, которое он имеет, ибо именно лучшее правительство сделает и его самого лучшим. Каждое правительство призвано действовать,

руководясь инстинктом самосохранения, присущим его народу; каждое призвано видеть далее своего народа, быть мудрее его и подсказывать ему верные пути жизни.

Пора понять это и не повторять политическую пошлость, подслушанную за границей от врагов и презрителей русского народа.

Федерация в истории России

Чтобы найти для России верный и спасительный путь, русское политическое мышление должно прежде всего освободиться от формализма и доктринерства и стать почвенным, органическим и национально-историческим. Государственный строй не есть пустая и мертвая «форма»: он связан с жизнью народа, с его природою, климатом, с размерами страны, с ее историческими судьбами, и – еще глубже – с его характером, с его религиозною верою, с укладом его чувства и воли, с его правосознанием, словом, с тем, что составляет и определяет его «национальный акт». Государственный строй есть живой порядок, вырастающий из всех этих данных, по своему выражающий и отражающий их, приспособленный к ним и неотрывный от них. Это не «одежда», которую народ может в любой момент сбросить, чтобы надеть другую; это есть скорее органически прирожденное ему «строение тела», это его костяк, который несет его мускулы, его органы, его кровообращение и его кожу.

Люди, воображающие, что политический строй есть нечто отвлеченно выдуманное и произвольно изменяемое, что его можно по усмотрению заимствовать или брать «с чужого плеча», что его стоит только «ввести» и все пойдет как по писанному, обнаруживают сущую политическую слепоту. Они напоминают ту сумасшедшую старушку, которая, живя

на курорте, расспрашивала всех подряд, кто чем лечится и все восклицала: «Вам – это – помогает?! может быть, и мне – это – попробовать?!» Ответ ей мог быть один: «Да, мне – это – помогает, но вас это может погубить!» Так и в политике... Ибо, поистине, неумно представлять себе государственную форму, как самый нелепый из маскарадных костюмов («Бэбэ»), который одинаково можно натянуть на мужчину и на женщину, на старого и на молодого, на рослого и на низенького, на толстого и на худого: все они одинаково «омаскарадятся» и «онелепятся»... Ни в медицине, ни в политике – нет всеисцеляющих средств и лекарств. У людей нет всеподходящих одежд. Нет единой, всеустраивающей государственной формы. Нет и не будет!

Так, например, и перед революцией, и в эмиграции были наивные русские люди, которые непременно требовали для России «английской конституционной монархии»... Что же, если они могут превратить Россию – в небольшой остров, с морским климатом и всемирным мореплаванием, с тысячелетним прошлым Великобритании, с английским характером, правосознанием, укладом чувства и воли, с английским темпераментом и уровнем образования – то их политическое требование станет осмысленным. А если они не могут произвести такое превращение, – тогда к чему беспочвенные мечты и праздные разговоры?!..

И так обстоит во всех вопросах политики. Так решается и проблема федеративного строя.

Люди, предлагающие для России федеративный строй на том основании, что он некоторым другим народам «помогает», обязаны прежде всего спросить себя: «А что повествует об этом история самой России? Имеются ли хоть какие-нибудь данные для того, чтобы уповать на успех в этом деле?»...

Внимательно изучая историю России, мы видим, что возможность установить федеративное единение была дана русскому народу четыре раза: 1. – в Киевский период, до татарского нашествия (1000–1240); 2. – в Суздальско-Московский период, под татарским игом (1240–1480); 3. – в эпоху смуты (1605–1613); и, наконец, 4. – в 1917 году в период так называемой «февральской революции».

Установим же исторические факты.

1. В Киевский период, в России, еще не разоренной татарами, культурно расцветающей и международно уважаемой, создание единого государства на основе договора облегчалось, по-видимому, тем, что князья состояли в близком кровном родстве друг с другом и числили свои княжества в общем нераздельном «династическом» владении. Казалось бы, что единство Руси, осознанное и выговоренное Владимиром Мономахом, так же, как и напор тюрко-половцев, длившийся почти два века, должны были бы привести князей к спасительному прочному единению. Однако, для этого необходимо было правосознание крепкого и долгого «дыхания», которого на Руси не было. Его не было у кня-

зей, растравлявших свое честолюбие и властолюбие началом «родового старшинства» и личной конкуренцией при «передвижении» из города в город. Его не было у княжеских дружинников, нередко переходивших вместе с князьями из удела в удел и вовлекавшихся в их конкуренцию и вражду. Его не было у вече, представлявшего в государстве вообще центробежную силу и менявшего князей по своему настроению. Князья же не верили друг другу, интриговали, вели бесконечные усобицы и наводили на русскую землю то половцев, то поляков. Побуждения зависти, честолюбия и корысти преобладали. Начало договора на Руси было непрочно; русское правосознание толковало обязательства, вытекающие из договора – прекарно («мое слово, хочу дал, хочу назад возьму»). Все договаривались друг с другом на срок (князья в Любече 1097 г., дружинники с князьями, вече с князьями), т. е. впредь до измены, нередко замышляя самую измену в момент «ряда» (соглашения). Достаточно, например, вспомнить, что князь Василько Ростиславич был оклеветан Давидом Игоревичем, изменнически захвачен Святополком Изяславичем и варварски ослеплен им при самом возвращении их из Любеча, где все целовали крест на взаимную верность. К этому присоединялись: дробление Руси вместе с размножением рода; распад, свойственный всякому большому равному пространству; и то своеобразное славянское «упорство на своем», которое отмечали уже древние византийские писатели. Вот откуда эти мудрые обличения, произносимые

стенающим тоном, которые мы находим в «Слове о Полку Игореве» (XII век):

«Усобица князем на поганя погибе: рекоста бо брат брату – се мое, а то мое же – ...А князи сами на себе крамолу коваху; а погани сами победами нарищуще на рускую землю»...

Вследствие этого вторгшиеся монголы застали Русь в состоянии разброда и беспомощности. Князья-конкуренты оказались неспособными даже к стратегическому сговору, который мог бы дать в их распоряжение армию до 300 000 воинов. Монголы били их порознь; геройство князей и их дружин погибало втуне; и участь России была решена на 250 лет... Федерация не удалась, а до унитарного государства было еще далеко.

Владимир Мономах (ум. в 1125 г.) еще надеялся на договорное объединение Руси. Но уже внуки его – Андрей Боголюбский (уб. в 1175 г.) и Всеволод Большое Гнездо (ум. в 1212 г.) утратили эту надежду. Они ищут спасения в единой державии; они ищут не дробления земли на «волости», а расширения своей, единой великокняжеской территории. Их поддерживает в этом простой народ (люди «меньшие», «мизинные») и духовенство, а бояре и промышленное купечество примыкают к партии распада. Таким образом, популярные в народе Мономаховичи впервые выговорили новое политическое слово: договорное начало не по силам Руси, в федерации нет спасения, надо искать спасения в единой державе.

жавии (унитарном начале).

2. В Суздальско-Московский период, под татарами (1240–1480), выяснилось, что князья не уразумели данного им исторического урока и не научились свободному, договорному единению. Они по-прежнему дробили уделы, веди между собой нескончаемые, жестокие усобицы, доносили друг на друга в Золотую Орду, громили друг друга татарскими силами и обессиливали Русь политически и стратегически. Национальное чувство мельчало, национальное единство угасало и начало государственной федерации снова проваливалось в России. «В продолжение 234 лет (1228–1462) северная Русь вынесла 90 внутренних усобиц» и «все влиятельное, мыслящее и благонамеренное в русском обществе» научилось ценить единодержавие московского князя (Ключевский, П., с. 56–57). Это единодержавие слагалось и крепло медленно, но неуклонно: очередь родового старшинства постепенно заменялась очередью прямого сыновства; княжество становилось личным достоянием князя, наследственно-потомственной вотчиной, которую он, как оседлый владелец, завещал своим детям по своему усмотрению; и, наконец, появилось стремление выдвигать удел старшего сына как главный и единодержавный.

Замечательно, что идея государственного единства Россия по-прежнему выдвигалась родом Мономаховичей. Праправнук Владимира Мономаха Александр Ярославич Невский служит ей словом, делом и мечом (ум. 1263). Сын

его, Даниил Александрович Московский, начинает единодержавное соби́рание Руси от лица Москвы.

Именно на этом пути Россия была спасена от татарского ига, объединена, замирена и возвеличена не федеративной, а унитарной и авторитарной государственностью. Договорное единство вторично не удалось русским. Славянская кровь тянула к индивидуализации; бесконечная равнина поощряла эту тягу; правосознание, питаясь религиозным чувством и неоформленным национальным чувством, обходилось совсем без традиций римского права и строгого волевого воспитания; мелкогосударственная ячейка, как всегда и везде, разжигала личное честолюбие и властолюбие; и в результате всего этого биологическая особь настаивала на инстинктивной индивидуализации и не превращалась достаточно в гражданственную и морально дисциплинированную личность. Все эти черты не были преодолены и в дальнейшей истории России; и донныне они представляют главную трудность и опасность русской государственности. Ввиду этого спасения надо было искать по-прежнему не в федерации, а в унитарной форме, т. е. в авторитарном единодержавии.

3. В Смутное время (1606–1613), когда страна распалась в анархии, подготовленной ломающими реформами Иоанна Грозного; когда грабеж и убийство стали повседневным явлением; когда люди теряли оседлость и работу, а вследствие этого и веру в честный труд; когда по Руси забродили самозванцы, числом до пятнадцати; когда русская и польская

чернь губила народ и государство; когда люди изворовались и измалодушествовались и площадь живого земледелия сократилась до одной двадцать третьей части прежнего размера, – тогда было выдвинуто начало стратегического объединения от периферии и притом именно северными городами. Однако не для того, чтобы погасить московское единодержавие и заменить его федерацией, а для того, чтобы спасти Россию восстановлением авторитарной и унитарной монархии. Судьба первого ополчения, разложившегося от измены казаков, свидетельствовала по-прежнему о великой трудности даже патриотически-стратегического соглашения на Руси. Судьба второго ополчения, встретившегося под Москвой с тою же своевольной изменой (ибо часть казаков ушла с Заруцким в Коломну, а другая часть все еще мечтала всех ратных людей переграбить и от Москвы отженить»...), свидетельствовала о том же. Русские люди еще раз убедились в том, что федерация им не дается и не дастся – и не надеялись на нее. Все помышляли о новом царе: одни о Владиславе польском, другие о его отце Сигизмунде, третьи о Филиппе шведском, иные даже о Габсбургах, иные – о «Маринкином воренке», иные же и притом лучшие – о русском «прирожденном» Государе... Но всем предносилась единая и не федеративная Русь. Итак, на Земском Соборе 1613 года обсуждался не вопрос о способе спасительного единения, а о лице, способном править Россией единодержавно.

4. И снова настало на Руси «смутное время» в 1917 году.

Под прикрытием Временного правительства, сводившего государственную власть к «воззваниям» и «уговорам» и упорно избегавшего всяких принудительных мер, в России разразилась анархия, – политическая, военная, хозяйственно-организационная и уголовно-преступная. Освобожденный Государем и его Наследником от монархической присяги, поощряемый безвластием Временного правительства и соблазненный пропагандой левых партий, народ «понес Русь розно», подготавливая окончательный развал русского государства. Национальная трагедия привела к тому, что трезвые патриотические силы, боровшиеся единомысленно за государственное единство России, были вынуждены удалиться на окраины, чтобы вести борьбу с революционной анархией от периферии к центру; центральная же позиция была захвачена революционной диктатурой, которая и водворила постепенно в стране – «единство», но единство антинациональное и противогосударственное, единство без Родины, вне права, вне свободы, единство террора и рабства, с тем, чтобы наименовать эту унитарную тиранию – «федеративным» государством, и тем надругаться сразу и над федеративной, и над унитарной формой государственности...

Таким образом, анархия в четвертый раз погубила федеративное начало в истории России.

Надо быть совсем близоруким и политически наивным человеком для того, чтобы воображать, будто эта исторически доказанная тысячелетняя неспособность русского наро-

да к федерации сменилась ныне в результате долгих унижений и глубокой деморализации – искусством строить малые государства, лояльно повиноваться законам, блюсти вечные договоры и преодолевать политические разномыслия во имя общего блага. На самом деле имеются все основания для того, чтобы предвидеть обратное.

О русском национальном самостоянии

Современные поколения русских людей проходят через трудную историческую школу, которая должна освободить их от всяких политических и национальных иллюзий и открыть им глаза на своеобразие русского народа, на драгоценную самобытность его культуры, на его государственные задания и на его врагов. Довольно слепоты, наивности и легковерия! Тот, кто любит Россию, обязан зорко наблюдать, предметно мыслить и делать выводы. Только тогда ниспосланные нам уроки не пропадут даром.

Живя в дореволюционной России, никто из нас не учитывал, до какой степени организованное общественное мнение Запада настроено против России и против Православной Церкви. Мы посещали Западную Европу, изучали ее культуру, общались с представителями ее науки, ее религии, ее политики, и наивно предполагали у них то же самое дружелюбное благодушие в отношении к нам, с которым мы обращаемся к ним; а они наблюдали нас, не понимая нас и оставляя про себя свои мысли и намерения. Мы, конечно, читали у прозорливого и мудрого Н. Я. Данилевского эти предупреждающие, точные слова: «Европа не знает (нас), потому что не хочет знать; или лучше сказать, знает так, как знать хочет, — то есть, как соответствует ее предвзятым мнениям,

страстям, гордости, ненависти и презрению» (добавим только еще: и ее властолюбивым намерениям). Мы читали и думали: «Неужели это правда? Но, ведь, у нас есть союзники в Европе? Ведь Европа считается с голосом русского правительства и даже заискивает перед Россией! Не все же люди там заряжены ненавистью... Да и за что же им нас ненавидеть?»

Ныне мы обязаны точно ответить себе на все эти вопросы, Данилевский был прав. Западные народы боятся нашего числа, нашего пространства, нашего единства, нашей возрастающей мощи (пока она, действительно, вырастает), нашего душевно-духовного уклада, нашей веры и церкви, наших намерений, нашего хозяйства и нашей армии. Они боятся нас; и для самоуспокоения внушали себе – при помощи газет, книг, проповедей и речей, конфессиональной, дипломатической и военной разведки, закулисных и салонных напештов – что русский народ есть народ варварский, тупой, ничтожный, привыкший к рабству и деспотизму, к бесправию и жестокости; что религиозность его состоит из темного суеверия и пустых обрядов; что чиновничество его отличается повальной продажностью; что войну с ним всегда можно выиграть посредством подкупа; что его можно легко вызвать на революцию и заразить реформацией – и тогда расчленив, чтобы подмять, и подмять, чтобы переделать по-своему, навязав ему свою черствую рассудочность, свою «веру» и свою государственную форму.

Русские эмигранты, любящие Россию и верные ей, не пропадающие по чужим исповедальням и не служащие в иностранных разведках, обязаны знать все это, следить за той презрительной ненавистью и за вынашиваемыми планами; они не имеют ни оснований, ни права ждать спасения от Запада, ни от «Пилсудского», ни от «Гитлера», ни от Ватикана, ни от «Эйзенхауэра», ни от мировой закулисы. У России нет в мире искренних доброжелателей. Русский народ может надеяться только на Бога и на себя. Русский народ может освободиться только сам: в медленной муке перетереть большевицкое иго; привить национальную русскость партийной периферии; укрепить свои духовные силы в катакомбном Православии; и медленно, но неуклонно расшатывать советчину, ее бюрократию и ее террористический зажим; и затем – выждать благоприятную мировую конъюнктуру, сбросить гипноз коммунистической дьявольщины и возвратиться на свой исторически путь. А мы, рассеянные повсюду русские патриоты, должны понять это, выговорить это самим себе и, помогая изо всех сил этому внутреннему процессу, готовиться к этому историческому часу, чтобы вовремя поспешить на помощь нашему народу, – с твердою верою в Бога, с новыми творческими идеями, с продуманными планами, со всею волевою энергией, которая потребуется тогда от русского человека.

Русский народ освободится и возродится только самостоянием и каждый из нас (независимо от возраста и поколе-

ния) будет ему тем нужнее, чем больше ему удастся соблюсти в эмиграции свою самостоятельность, свой независимый взгляд, свою энергию, свою духовную «непроданность» и «незаложенность». Знаем мы, что есть люди, думающие и действующие иначе, все время пытающиеся «привязать свой челнок к корме большого корабля»: примазаться то к «Пилсудскому», то к «Гитлеру», то к Ватикану, то к мировой закулисе. И, зная это, предупреждаем их: пути их антинациональны, духовно фальшивы и исторически безнадежны. Если их «поддержат», то только на определенном условии: служить не России, а интересам поддерживателя; считаться не с русским национальным благом, а с программой деньгодателей. Им, может быть, и помогут – но не спасать и строить Россию, а действовать в ней по указанию чужого штаба или чужого правительства; иными словами – им помогут приобрести звание иноземных агентов и русских предателей и заслужить навеки презрение русского народа.

Неужели нам надо вспоминать историю этих тридцати лет? Историю о том, как русские белые армии были покинуты французами на юге, англичанами на севере и чехословаками в Сибири; историю о том, как Пилсудский отнесся к Деникину и Врангелю; как барон Мальцан договорился с Советами в Рапалло; как Ллойд-Джордж поспешил начать торговлю с «людоедами», а германский рейхсканцлер Вирт инвестировал капиталы Ватикана в лесные концессии на русском севере; как в Москве Брокдорф-Ранцау по ночам раз-

влекался с Чичериным музыкой и еще кое-чем; как патер (а потом прелат) Мишель д'Эрбиньи дважды (1926 и 1928) ездил в Москву для заключения «конкордата» с заведомым для него сатаню и, возвращаясь, печатал мерзости о русском народе и о Православной Церкви... Неужели все это и многое, многое другое забыто?

Было бы необычайно интересно прочесть честно написанные воспоминания тех русских патриотов, которые пытались «работать» с Гитлером: встретили ли они понимание «русской проблемы»? сочувствие к страданиям русского народа? согласие освободить и возродить Россию? хотя бы на условиях «вечной германо-русской дружбы»? И еще: когда же им удалось рассмотреть, что их нагло проводят? Когда они догадались, что ни иностранная политика (вообще!), ни война (вообще!) – не ведутся из-за чужих интересов? Когда у каждого из них пришел тот момент, что он, ударив себя кулаком по голове, назвал себя «политическим слепцом, замешавшимся в грязную историю», или еще «наивным оруженосцем у русского национального врага»?...

Мы годами наблюдаем все подобные попытки русских эмигрантов и все вновь и вновь спрашиваем себя: из каких облаков упали эти обыватели на землю? откуда у них эти сентиментальный мечты о «бескорыстии» международной политики и о «мудрости» иностранных штабов? откуда у них эта уверенность, что именно им удастся «уговорить» и повести за собою такой-то (все равно, какой!) сплоченный

иностранный центр с его предвзятыми решениями, а не он их разыграет и использует, как забеглых полупредателей? Сколько их было, таких затей! Затевали, надеялись, рассчитывали, писали, подавали, «стряпали», шептались и хвастались успехами... И что вышло из всего этого?...

Но были и более «умные»: эти скоро догадывались, что русский патриотизм не обещает успеха, что надо идти на сепаратизм и расчленение России. На наших глазах один такой «деятель» изобрел идею «туранского национального меньшинства, угнетаемого русским деспотизмом и жаждущего принять католическую веру»; и вот, ему уже устроили выступление перед членами венгерского парламента, которым он излагал свои «проекты», и он уже получил венгерский орден... А потом? Потом – он умер, а Венгрия подпала сначала Гитлеру, а потом Сталину. А в это время группа эмигрантских сепаратистов шепталась с немцами об «освобождении» (!) Украины и создавала в Берлине мощный центр сепаратистской и антирусской пропаганды, пока Гитлер не разогнал их за ненадобностью. И тут же, да наших глазах, русские эмигранты вливались в мировую закулису, надеясь привить ей понимание и сочувствие к России и сходили со сцены: одни гласно объявив, что наткнулись на требование слепого повиновения и на твердокаменную вражду к национальной России, другие добровольно исчезая за железным занавесом, третьи, сдавая свои позиции и заканчивая свою жизнь на кладбище.

Шли годы, закончились конвульсии Второй мировой войны. И вот опять начались те же попытки «привязать свой челнок к корме большого корабля», заранее солидаризируясь с его курсом и направлением. И опять спрашиваешь себя: что же это такое – все та же ребяческая наивность или гораздо хуже?! Ибо, по существу, никто из иностранцев несколько не прозрел ни в чем, не передумал, никак не изменил своего отношения к национальной России и не вылечился от своего презрения и властолюбия. И те из нас, которые имеют возможность следить за мировым общественным мнением, с тревогой предвидят в будущем все то же движение по тем же рельсам, ведущим западных политиков в тупик прежних ошибок.

Нет, Россия спасется только самостоянием, и нам всем надо блюсти свою полную духовную независимость!

О возрождении России

Когда русские патриоты говорят о возрождении России, то они представляют себе обычно восстановление достойной государственной формы, возобновление осмысленного хозяйства, основанного на частной собственности, и возрождение свободной русской культуры. Кажется, что вот, рухнет тоталитарный режим, прекратится вмешательство коммунистического государства во все сферы человеческой жизни, возродится вольная, творческая инициатива – и Россия встанет, как долго спавший богатырь...

Мы совершенно не сомневаемся в том, что все указанное необходимо и что оно будет полезно и значительно, но постоянно с грустью думаем о том, что всего этого мало; что есть еще нечто, значительнейшее и глубочайшее, такое, что здесь не упомянуто, но что составляет самое естество человеческого бытия: это личные качества и тяготения человека: это то, как он поведет себя в личной жизни; и еще глубже: это его вера, его совесть и верность; это его характер; это то, что он способен совершить в общественной жизни и чего он не может не сделать. Словом, дело совсем не сводится к внешнему порядку, строю и «успеху» жизни, но к внутреннему укладу, строю и характеру человека. При внешнем приличии, порядке и свободе общественной жизни человек может растить в себе безбожного, бессовестного и бесстыд-

ного предателя, продажного пролазу, напуганного и трепещущего подхалима, – словом, жалкое и жалости достойное существо, на котором ни государства, ни тем более великой и славной духовной культуры не построишь. Чем больше порочности будет гнездиться за ширмами парламента и всех учреждений, тем ближе государство будет к смуте и разрухе, тем непосильнее будут ему исторические испытания. И если этой продажности и порочности будет много, если русские люди будут мерить в жизни все личной жадностью, а не предметным достоинством, – то как возродим Россию? Что противопоставим напору внешних сил, стремящихся насадить коррупцию и разложить наше отечество? Как справимся с соблазнами озлобления, мести, фактического захвата (грабежа), лжи, доноса и, главное, продажности? А если не справимся с этими тяготениями и соблазнами, то не возродим Россию, а предадим ее мировой закулисе и разбазарим ее на мировом рынке...

Россия рухнула на наших глазах не потому, что русский человек был силен во зле и злобе, наподобие немцев, а потому, что он был слаб в добре; и в роковой час истории (1917) он не сумел извлечь из своего добродушия и утомления, из своей улыбчивой, песенной и ленивой души – ту энергию воли, ту решимость поступка, то искусство организации, то умение сопротивляться злу силою, которых потребовал от него час испытания. Русский человек оказался слабым в добре и подчинился нерусским людям, составляющим в стра-

не ничтожное меньшинство (около 50 000 большевиков), но зато оказавшимся сильными во зле, сильными бессовестностью и волею к власти, сильными прямым и свирепым убийством.

И вот в истории осуществилось невиданное и неслыханное: злое меньшинство, захватив власть, поставило на колени добродушное большинство народа, с тем, чтобы переделать его, сломать ему его моральный хребет, окончательно перемешать ему и его детям в душе понятия добра и зла, чести и бесчестия, права и бесправия – и приучить его голодом и страхом к безусловной покорности. Это была систематическая школа зла и предательства, основной принцип которой был сформулирован чекистом Яковом Аграновым в 1921 году: «морально то, что полезно в данный момент международному пролетариату (т. е. большевикам)»... Это была школа, вечно грозящая безработицей, разгромом семьи, ссылкой, концлагерем и смертью. Все были ею захвачены: никто не мог уклониться от нее. Это была школа вечного притворства, лжи и доноительства...

Забудется ли в русской истории тот деревенский комсомолец, который донес на свою мать о «похищении» ею колосьев с «коллективного» поля (хотела его братьям-малышам кашу сварить!)? Мать была расстреляна, а доносчик прославлен, как образец, через всю советскую печать, с воспроизведением его гнусного портрета? Как забудем мы голос московского любимца артиста В. И. Качалова-Шверубовича, требую-

щего смертной казни для невинных людей из прежней промышленной буржуазии.

Вот уже 35 лет, как русские люди, принуждаемые и застрашиваемые советской властью, предают друг друга, чтобы спасти себя самих; присягают марксизму и «диамату», ничего в них не понимая; записываются в партию, которую считают погубительницей их родины; стараются думать и говорить то, что им прикажут; доносят на соседей и сослуживцев под угрозой увольнения со службы, т. е. общесемейного голода; демонстрируют преданность и «пафос», которых не имеют; скрывают свою веру, восхваляя безбожие и безверие, – словом предают Православие и Россию, служа большевикам и растрачивая последние следы собственных воззрений и убеждений. Правда и ложь смешались воедино. Подписывая ложный протокол допроса, русский человек должен добавить слово «чистосердечно», зная, что все содержание написанного противоречит истине. Добро и зло стали неразличимы: все строится на классовой и личной ненависти, на пошлой и лживой лести без конца и края, на механизме затверженных формул. А за годы войны и официальная церковь была вовлечена в эту систему лжи, о чем гласно засвидетельствовал Экзарх Балтийский Сергей, убитый впоследствии чекистами на большой дороге.

Мы прекрасно знаем, что эта разлившаяся в России большевицкая порочность – вынужденная; что почти каждый, поддающийся ей, проходит через более или менее продолжи-

тельный период уговоров, угроз, лишений, увольнений, полусылок, ссылок, арестов, тюрем и, конечно, нарочито придуманных унижений. Для того, чтобы сломать хребет у сильного, надо, конечно, больше усилий и времени, нежели у слабого; но сильного можно и расстрелять.

Мы знаем еще, что в России есть люди настолько сильные, что они вырабатывают себе как бы маску, обличье мнимой лояльности в лице и в словах; они бывали и за границей, их можно увидеть и внутри России. Но что именно они думают и чувствуют, об этом не знает никто, даже гепеук про гепеука.

Мы знаем, наконец, что в России есть и определенные герои духа, связанные так или иначе с тайною Церковью, не приемлющей «патриарха» Алексея с его молитвами о «вожде» Иосифе Виссарионовиче и об успехах его всемирного злодейства. Этих героев мы умеем и чтить, и ценить, и не сомневаемся в их религиозном и историческом значении; на них и из них возродится истинная Православная церковь, которая сумеет дать отпор и католикам, и безбожникам, и протестантам, и их бесчисленным сектам.

Итак, деморализация, водворившаяся ныне в России, — есть не свободная, а навязанная; этого мы не должны забывать. Русский народ не сам оскудел качествами души, но был ограблен посредством страха, голода и унижений. Ростки добра и чутье ко злу живы в нем по-прежнему; мы имеем множество живых доказательств для этого. И когда мы

читаем в сообщениях возвратившегося оттуда польского еврея, как он, будучи библиотекарем, сначала чтобы прокормиться, а потом, чтобы оградить себя от доносов, вырывал из книг страницы и продавал их на курево, то мы не сомневаемся, что добровольно он никогда не обошелся бы так ни с Торой, ни с Талмудом, да и вообще ни с одной книгой, заслуживающей этого имени. Люди в Советии вынуждены воровать, чтобы не умереть; женщины – предаваться гнусным ласкам коммуниста, чтобы прокормить свою мать и детей; все должны публично проявлять чувства, которых они никогда не имели... И все это иностранцы приписывают «русским», так, как если бы самое качество русскости оставалось свободным и как если бы Россия оставалась свободным национальным пространством на земле...

Однако нам важны сейчас не заблуждения и не хищные намерения иностранцев (все равно каких!), а состояние русской души и русского духа. Это состояние должно быть обозначено как униженное и развращенное. Отрицать это возможно только, утратив живое чувство добра и зла. Застрашенность всегда унижает человека и развращает его. Но именно поэтому она ставит ему первую и основную задачу: осознать эту униженность и признать эту развращенность. Это должно осуществиться в великом и всенародном акте покаяния.

Мы разумеем, что говорим и видим все великие трудности этого священного дела. Но русский народ не сможет

возродиться, не очистившись, и не сможет очиститься, не признав из глубины своего сердца свое нынешнее состояние униженным и развращенным. В России унижены все некоммунисты; ибо они не смеют думать вслух и действовать по свободному убеждению; мало того, они вообще совсем теряют способность иметь убеждение – или же уходят в «тайную церковь». Они унижены тем, что от страха должны превратить свою жизнь в сплошное притворство и лицемерие и работать на своих застрачивателей (врагов России!). И вряд ли есть много таких, которые, нося эту маску, хранят в глубине души чистый и верный акт самостоятельной личной убежденности, или, скажем еще больше и священнее, – акт свободной веры.

В сущности говоря, свободная вера в советском государстве есть состояние запрещенное, нелегальное и нелояльное; так же как и свободное убеждение и свободное слово. Это не нуждается в доказательстве; это достоверно известно каждому, кто, будучи способен к свободной вере, к свободному убеждению и свободному слову, пытался осуществить эти драгоценные состояния вразрез с господствующим и общеобязательным мировоззрением... Судьба его бывала предрешена. И кто в этом сомневается, тот пусть прочтет замечательные исповеднические книги священника отца Михаила Польского... А без свободной веры и без свободных убеждений жизнь неизбежно превращается в унижающее и развращающее рабство.

Итак, русский народ нуждается в покаянии и очищении. Десятки лет сущедьявольского большевизма – уже очистили одних и затоптали в грязь других. И вот, очистившиеся должны помочь неочистившимся восстановить в себе живую христианскую совесть, веру в силу добра, верное чутье к злу, чувство чести и способность к верности. Без этого – Россию не возродить и величия ее не воссоздать. Без этого русское государство, после неминуемого падения большевизма, расползется в хлябь и в грязь.

И напрасно кто-нибудь стал бы утверждать, что этот процесс стал возможным и даже уже начался после предательского конкордата между большевиками и так называемой «патриаршей церковью». Этот конкордат мог только запретить те священные двери, который ведут в глубину души к слезному покаянию и волевому очищению. Чудовищно предлагать русскому человеку доверие к чекистам и получекистам! Раствленно думать и говорить о том, что таинство покаяния может совершаться перед антихристом. Бессмысленно тешить себя иллюзиями нравственного очищения перед «предстоящим» и победоносным дьяволом. Покаяние есть установление священной и чистой связи с Господом, а не с сатаной и с его (безразлично – верными или неверными) слугами.

Все трудности этого покаянного очищения должны быть продуманы и преодолены: у религиозных людей в порядке церковном (по исповеданиям), у нерелигиозных людей – в

порядке светской литературы, достаточно искренней и глубокой, и затем в порядке личного совестного делания. Надо понять и продумать до конца природу того растлевающего яда, которым орудуют коммунисты; все возможности и силы государства перенапряжены и использованы до конца для того, чтобы сделать людей лживыми и трусливыми рабами. И вот, этого лживого и трусливого раба русский человек должен отыскать в себе, проследить во всех закоулках своей души и извергнуть его так, как подобает человеку, свободному, достойному и духовному. Без этого Россия не возродится.

Надо готовить грядущую Россию

Уже не раз ставился в эмиграции вопрос о том, возможно ли теперь же начертать будущую русскую «конституцию», т. е. изложить в форме ряда законопроектов государственное устройство будущей России? – Я думаю, что это сейчас неосуществимо; и притом потому, что у нас нет конкретных данных: мы не знаем времени (когда это будет?), пространства (при какой территории?), национального состава будущей России, ее социального строения, состояния народного правосознания, ее экономического и международного положения. «Конституция» была бы выводом из двух посылок: первая-принципиальные основы, которые мы считаем верными и необходимыми; вторая – конкретные данные; вывод-«конституция». Но второй посылки у нас нет и потому вывод невозможен. Но о некоторых принципиальных основах можно и должно договариваться теперь же.

1. И вот, прежде всего, установим, что в отличие от до-революционной русской интеллигенции, считавшейся с одними отвлеченными «идеалами», наши поколения должны мыслить реалистически и исторически, для того, чтобы не впадать в мечтательно-отвлеченные нежизненные программы наподобие анархистов всех оттенков (от Кропоткина до Родичева), или конституционалистов-демократов (от Кошкина до Милюкова), или всевозможных социалистиче-

ских партий. Мыслить реалистически значит исходить от русской исторической, национальной, державной и психологической данности, в том виде, как она унаследована нами. Мы не можем вместе с Петром Кропоткиным проповедовать свободный передел имущества на площади (все домашнее барахло сваливается в одну кучу и каждый по своему усмотрению берет себе беспрепятственно, что ему приглянется). Но мы не можем и верить вместе с Родичевым, что как только монархия падет, так «пойдет все гладко и станет все на место от того, что все обнимутся свободно и братски...» Мы не можем вместе с умеренными либералами требовать для России «английской конституции», ибо наш климат, наш характер, наша история, наше правосознание, наш территориальный состав, наше образование и наша вера – совсем иные, чем в Англии. Но мы не можем и верить вместе с Ф. Ф. Кошкиным, который пользовался в немецком ученом мире величайшим уважением, будто Россия найдет свое спасение во всеобщем и равном избирательном праве и свое единение в федеративном расчленении. Политика не фантазия и не утопия; и фантазирующий политик занимается вредным делом. Опыт нашего поколения достаточен для того, чтобы оставить эти химеры раз навсегда.

2. Установим далее, что все государственные рецепты, идеи и лозунги за последние 30 лет омертвели, выветрились или исказились. Мы ничего не должны и не смеем принимать на веру; все подлежит пересмотру, новому понима-

нию, углубленной критике, новому содержательному наполнению. Понятия свободы, равенства, народоправства, избирательного права, республики, монархии, федерации, социализма – понимались доселе формально, в отрыве от правосознания и его аксиом, в отрыве от народного душевного уклада и от национальных задач государства. Считалось, а на Западе и донныне обычно считается, что свобода и равенство суть бесспорные идеалы; что народоправство есть аксиома для всякого «порядочного» человека; что избрание всегда выше и полезнее назначения; что монархия всегда хуже республики; что враг федерации – есть враг рода человеческого; что социализм могут отвергать только сторонники капиталистической эксплуатации и т. д. . . . Мы не можем принимать на веру все эти партийные и часто гибельные предрассудки. Исходить из этого мы не можем, как не можем исходить и из бесспорности обратных положений. Мы должны пересмотреть политические «идеалы» предреволюционной интеллигенции и отвергнуть все несостоятельное. Мы должны отвергнуть самый способ постановки политических вопросов – мечтательно-доктринерский, рассудочно-формальный, интернациональный, искательно-демагогический. Перед нами не «идеал», не «мечта» и не «доктрина», а жизненная задача воссоздания России. И Россию мы должны понимать как живое, органически-историческое, единственное в своем роде, русско-наследственное государство, с его особою верою, с особыми традициями и нуждами.

3. Но именно поэтому мы не должны гоняться за чужими сверхнациональными отвлеченными формами жизни. Нет и не может быть единой государственной формы, которая оказалась бы наилучшей для всех времен и народов. Политически жиздительное в одной стране, у одного народа, в одну эпоху, при таком-то климате, темпераменте, хозяйстве, может оказаться разрушительным в других условиях. Поэтому Западная Европа и Америка, не знающая Россию, не имеют ни малейших оснований навязывать нам какие бы то ни было политические формы, – ни демократические, ни фашистские... Мы готовы повторить это сто раз: Россия не спасется никакими видами западничества, ни старыми, ни новыми. Все политические формы и средства человечества полезно знать и верно разуместь. Но творческая комбинация из них и из других, еще неизвестных, должна быть избрана и создана самою Россией, должна быть подсказана ее собственными задачами, помимо всяких чужих предписаний или своих предрассудков и доктрин. Мы должны понимать и помнить, что всякое давление с запада, откуда бы оно ни исходило, будет преследовать не русские, а чуждые России цели, не исторический интерес, не благо русского народа, а интерес давящей державы и вымогающей организации... Поэтому поведение русских людей и партий, потихоньку сговаривающихся с той или иной иностранной державой или закулисной международной организацией о будущем устройстве России, представляется нам проявлением или безответ-

ственного политического легкомыслия, или прямого предательства.

Итак, мы должны считаться только с двумя великими реальностями:

А. С исторически данной Россией, с ее целями и интересами.

Б. С верно понятыми и усвоенными аксиомами правосознания и государственности, возвращенными в нас двухтысячелетним христианским опытом.

Будущее русское государственное устройство должно быть живым и верным выводом из русской истории и из этих христианских бесспорных аксиом, но с тем, чтобы не стремиться воплотить эти аксиомы вслепую, в меру утопического максимализма, но в меру их исторической вменяемости в живую ткань современной русской народной жизни.

4. Особенно же важно теперь извлечь идею государства и политики из той предреволюционной пошлости и из той революционной грязи, в которую эта идея незаметно сошла в западных демократиях и в коммунистическом режиме.

С одной стороны, политика совсем не есть сочетание массовой демагогии и расчетливой закулисной интриги, честолюбивой толкотни и беспринципного компромисса, партийного засилья и бессмысленного голосования вслепую.

С другой стороны, она совсем не сводится к насилию и коварству, к деспотизму и террору, к классовой борьбе и к

тоталитарным способам управления.

Политика не есть темное дело презренных плутов. Когда чиновник начинает торговать своим делом, как мы это видим ныне в некоторых крупнейших демократиях мира, или когда он становится прямым разбойником, как это при коммунизме; или обратно – когда авантюрист и разбойник становятся чиновниками – то государство идет к гибели. На самом же деле политика имеет совсем иные задания, совсем иную природу, совсем иной духовный стержень, а именно: властно внушаемая солидаризация народа; авторитетное воспитание личного, свободного правосознания; оборона страны и духовный расцвет культуры; создание национального будущего через учет национального прошлого, собранного в национальном настоящем.

Для этого необходимы люди высокой духовной силы, люди первого ранга. Вот почему необходимо высказывать, доказывать и жизненно прививать воззрение, что государственная и политическая деятельность требует не ловкого проходимца, не хитрящего интригана или чего-нибудь еще худшего, но человека с религиозно и нравственно сильным характером, человека качественного и призванного к власти. Она требует высоковолевой, моральной, образовательной и профессиональной квалификации. Это есть дело совсем не общедоступное, не дилетантское, не уличное. Отсюда в высоком смысле аристократическая природа государства, не в сословном, а в духовном смысле; отсюда значение

нравственной и умственной традиции, отбора характеров и профессиональной подготовки. Человечество скоро начнет открыто заявлять, что нельзя мириться с политическим выдвижением прохвоста только на основании того, что он сумел стать угодным закулисе или популярным в массе.

Политика требует качественных людей. Только им будет возможно осуществить все связанные с политикой компромиссы, не роняя ни себя, ни государственную власть. В политике бывают необходимы и хитрость, и насилие, и подчас жестокость. Но народ чует чутьем реальную меру необходимости таких компромиссов и прощает мудрому политику многое во имя главного и основного. В политике и государственности есть нечистые стороны и дела; их нельзя отрицать; от них нельзя зарекаться. Но именно поэтому политика требует большой идеи, чистых рук и жертвенного служения.

Запад против России

Запад не знает и не ценит Россию

Где бы мы, русские национальные эмигранты, ни находились в нашем рассеянии, мы должны помнить, что другие народы нас не знают и не понимают, что они боятся Россию, не сочувствуют ей и готовы радоваться всякому ее ослаблению. Только одна маленькая Сербия инстинктивно сочувствовала России, однако без знания и без понимания ее; и только одни Соединенные Штаты инстинктивно склонны предпочесть единую национальную Россию как неопасного им антипода и крупного, лояльного и платежеспособного покупателя.

В остальных странах и среди остальных народов – мы одиноки, непонятны и «непопулярны». Это не новое явление. Оно имеет свою историю. М. В. Ломоносов и А. С. Пушкин первые поняли своеобразие России, ее особенность от Европы, ее «неевропейскость». Ф. М. Достоевский и Н. Я. Данилевский первые поняли, что Европа нас не знает, не понимает и не любит. С тех пор прошли долгие годы, и мы должны были испытать на себе и подтвердить, что все эти великие русские люди были прозорливы и правы.

Западная Европа нас не знает, во-первых, потому, что ей чужд русский язык. В девятом веке славяне жили в самом

центре Европы: от Киля до Магдебурга и Галле, за Эльбой, в «Богемском лесу», в Каринтии, Кроации и на Балканах. Германцы систематически завоевывали их, вырезали их верхние сословия и, «обезглавив» их таким образом, подвергали их денационализации. Европа сама вытеснила славянство на восток и на юг. А на юге их покорило, но не денационализировало турецкое иго. Вот как случилось, что русский язык стал чужд и «труден» западным европейцам,

А без языка народ народу нем («немец»).

Западная Европа не знает нас, во-вторых, потому что ей чужда русская (православная) религиозность. Европой искони владел Рим, – сначала язычески, потом католически, воспринявши основные традиции первого. Но в русской истории была воспринята не римская, а греческая традиция. «Греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер» (Пушкин). Рим никогда не отвечал нашему духу и нашему характеру. Его самоуверенная, властная и жестокая воля всегда отталкивала русскую совесть и русское сердце. А греческое вероисповедание мы, не искажая, восприняли настолько своеобразно, что о его «греческости» можно говорить лишь в условном, историческом смысле.

Европа не знает нас, в-третьих, потому, что ей чуждо славяно-русское созерцание мира, природы и человека. Западноевропейское человечество движется волею и рассудком. Русский человек живет прежде всего сердцем и воображением.

ем, и лишь потом волею и умом. Поэтому средний европеец стыдится искренности, совести и доброты, как «глупости»; русский человек, наоборот, ждет от человека прежде всего доброты, совести и искренности. Европейское правосознание формально, черство и уравнилельно; русское – бесформенно, добродушно и справедливо. Европеец, воспитанный Римом, презирает про себя другие народы (и европейские тоже) и желает властвовать над ними; за то требует внутри государства формальной «свободы» и формальной «демократии». Русский человек всегда наслаждался естественной свободой своего пространства, вольностью безгосударственного быта и расселения и нестесненностью своей внутренней индивидуализации; он всегда «удивлялся» другим народам, добродушно с ними уживался и ненавидел только вторгающихся поработителей; он ценил свободу духа выше формальной правовой свободы – и если бы другие народы и народцы его не тревожили, не мешали ему жить, то он не брался бы за оружие и не добивался бы власти над ними.

Из всего этого выросло глубокое различие между западной и восточнорусской культурой. У нас вся культура – иная, своя; и при том потому, что у нас иной, особый духовный уклад. У нас совсем иные храмы, иное богослужение, иная доброта, иная храбрость, иной семейный уклад; у нас совсем другая литература, другая музыка, театр, живопись, танец; не такая наука, не такая медицина, не такой суд, не такое отношение к преступлению, не такое чувство ранга, не такое

отношение к нашим героям, гениям и царям. И при том наша душа открыта для западной культуры: мы ее видим, изучаем, знаем и если есть чему, то учимся у нее; мы овладеваем их языками и ценим искусство их лучших художников; у нас есть дар вчувствования и перевоплощения.

У европейцев этого дара нет. Они понимают только то, что на них похоже, но и то искажая все на свой лад. Для них русское инородно, беспокойно, чуждо, странно, непривлекательно. Их мертвое сердце – мертво и для нас. Они горделиво смотрят на нас сверху вниз и считают нашу культуру или ничтожною, или каким-то большим и загадочным «недоразумением»...

И за тридцать лет революции в этом ничего не изменилось. Так в середине августа 1948 года происходил съезд так называемого «церковно-экуменического» движения в Швейцарии, в котором были выбраны 12 виднейших швейцарских богословов и пасторов (реформатской церкви) на такой же «всемирный» съезд в Амстердаме. И что же? На съезде господствовало «братское» сочувствие к марксизму, к советской церкви и советчине, и мертвое холодно-пренебрежительное отношение к национальной России, к ее Церкви и культуре. Вопрос о русской культуре, о ее духовности и религиозной самобытности совсем и не ставился: она приравнивалась к нулю. Марксизм есть для них «свое», европейское, приемлемое; и советский коммунист для них ближе и понятнее, чем Серафим Саровский, Суворов, Петр Вели-

кий, Пушкин, Чайковский и Менделеев.

То же самое происходило потом и на «всемирном» съезде в Амстердаме, где подготавливалось чудовищное месиво из христианства и коммунизма.

Итак, Западная Европа не знает России. Но неизвестное всегда страшновато. А Россия по численности своего населения, по территории и по своим естественным богатствам огромна. Огромное неизвестное переживается всегда, как сущая опасность. Особенно после того, как Россия в XVIII и XIX веках показала Европе доблесть своего солдата и гениальность своих исторических полководцев. С Петра Великого Европа опасалась России; с Салтыкова (Кунерсдорф), Суворова и Александра Первого – Европа боится России. «Что, если этот нависающий с востока массив двинется на запад? Две последние мировые войны закрепили этот страх. Мировая политика коммунистической революции превратила его в неутрачивающую тревогу.

Но страх унижает человека; поэтому он прикрывает его презрением и ненавистью. Незнание, пропитанное страхом, презрением и ненавистью, фантазирует, злопыхательствует и выдумывает. Правда, мы видели пленных немцев и австрийцев, вернувшихся в Европу из русских лагерей и мечтавших о России и русском народе. Но европейское большинство и особенно его демократические министры – кормятся незнанием, боятся России и постоянно мечтают, о ее ослаблении.

Вот уже полтора столетия Западная Европа боится Рос-

сии. Никакое служение России общеевропейскому делу (семилетняя война, борьба с Наполеоном, спасение Пруссии в 1806–1815 году, спасение Австрии в 1849 году, спасение Франции в 1875 году, миролюбие Александра III, Гаагская конференция, жертвенная борьба с Германией 1914–1917 гг.) – не перевешивает перед лицом этого страха; никакое благородство и бескорыстие русских Государей не рассеивало этого европейского злопыхательства. И когда Европа увидела, что Россия стала жертвою большевицкой революции, то она решила, что это есть торжество европейской цивилизации, что новая демократия расчленит и ослабит Россию, что можно перестать бояться ее и что советский коммунизм означает «прогресс» и «успокоение» для Европы. Какая слепота! Какое заблуждение!

Вот откуда это основное отношение Европы к России: Россия – это загадочная, полуварварская «пустота»; ее надо «евангелизировать» или обратить в католичество, «колонизировать» (буквально) и цивилизовать; в случае нужды ее можно и должно использовать для своей торговли и для своих западноевропейских целей и интриг; а впрочем – ее необходимо всячески ослаблять. Как?

Вовлечением ее в невыгодный момент в разорительные для нее войны; недопущением ее к свободным морям; если возможно – то расчленением ее на мелкие государства; если возможно – то сокращением ее народонаселения (напр., через поддержание большевизма с его террором, – полити-

ка германцев 1917–1939 гг.); если возможно – то насаждением в ней революций и гражданских войн (по образцу Китая); а затем – внедрением в Россию международной закулисы, упорным навязыванием русскому народу непосильных для него западноевропейских форм республики, демократии и федерализма, политической и дипломатической изоляцией ее, неустанным обличением ее мнимого «империализма», ее мнимой «реакционности», ее «некультурности» и агрессивности».

Все это мы должны понять, удостовериться в этом и никогда не забывать этого. Не для того, чтобы отвечать на вражду – ненавистью, но для того, чтобы верно предвидеть события и не поддаваться столь свойственным русской душе сентиментальным иллюзиям.

Нам нужны трезвость и зоркость.

В мире есть народы, государства, правительства, церковные центры, закулисные организации и отдельные люди – враждебные России, особенно православной России, тем более императорской и нерасчлененной России. Подобно тому, как есть «англофобы», «германофобы», «японофобы» – так мир изобилует «русофобами», врагами национальной России, обещающими себе от ее крушения, унижения и ослабления всяческий успех. Это надо продумать и прочувствовать до конца.

Поэтому, с кем бы ни говорили, к кому бы мы ни обращались, мы должны зорко и трезво измерять его мерилom его

симпатий и намерений в отношении к единой, национальной России и не ждать от завоевателя – спасения, от расчлени-теля – помощи, от религиозного совратителя – сочувствия и понимания, от погубителя – благожелательства и от клевет-ника – правды.

Политика есть искусство узнавать и обезвреживать врага. К этому она, конечно, не сводится. Но кто к этому неспособен, тот сделает лучше, если не будет вмешиваться в политику.

Мировая политика русских государей

21 января 1933 года в № 4690 французского журнала «L'Illustration» была напечатана достопримечательная статья итальянского историка Гуилельмо Ферреро, прошедшего последнюю часть своей жизни в Женеве и скончавшегося там же в 1941 году.

Статья, озаглавленная «Прежняя Россия и мировое равновесие» высказывает ряд верных и справедливых мыслей о мировой политике русских Государей в XIX веке. Эти мысли прозвучали в Европе, как в стране глухонемых и не оказали, конечно, ни малейшего влияния на укоренившееся здесь общественное мнение. Европа не знает России, не понимает ее народа, ее истории, ее общественно-политического строя и ее веры. Она никогда не понимала и ее Государей, огромности их задания, их политики, благородства их намерений и человеческого предела их возможностей...

И, странное дело, каждый раз, как кто-нибудь знающий пытается высказать правду и поправить дело всеобщего невежества, он наталкивается на уклончивое безразличие и недружелюбное молчание. Ему не возражают, его не опровергают, а просто – «остаются при своем». Европе не нужна правда о России; ей нужна удобная для нее неправда. Ее пресса готова печатать о нас самый последний вздор, если этот вздор имеет характер хулы и поношения. Достаточно

любому ненавистнику России, напр., из «грушевских украинцев», распространиться о пресловутом поддельном «завещании Петра Великого», о «московитском империализме», якобы тождественном с коммунистическим мирозавоеванием, и о «терроре царизма», – и европейские газеты принимают эту лживую болтовню всерьез, как новое оправдание для их застарелого предубеждения. Им достаточно произнести это политически и филологически фальшивое словечко «царизм», – и они уже понимают друг друга, укрывая за ним целое гнездо дурных аффектов: страха, высокомерия, вражды, зависти и невежественной клеветы...

Нам надо понять это отношение, это нежелание правды, эту боязнь действительности. Все видимое преклонение европейца перед «точным знанием», перед «энциклопедической образованностью», перед «достоверной информацией», словом – вся этика истины – смолкает, как только дело коснется России. Европейцам «нужна» дурная Россия: варварская, чтобы «цивилизовать» ее по-своему; угрожающая своими размерами, чтобы ее можно было расчленивать; завоевательная, чтобы организовать коалицию против нее; реакционная, чтобы оправдать в ней революцию и требовать для нее республики; религиозно разлагающаяся, чтобы вломиться в нее с пропагандой реформ или католицизма; хозяйственно несостоятельная, чтобы претендовать на ее «неиспользованные» пространства, на ее сырье, или, по крайней мере, на выгодные торговые договоры и концессии. Но, ес-

ли эту «гнилую» Россию можно стратегически использовать, тогда европейцы готовы заключать с ней союзы и требовать от нее военных усилий «до последней капли ее крови»...

И вот, когда в такой атмосфере кто-нибудь из них скажет несколько правдивых и справедливых слов о России, то мы должны выделить их из общего хора голосов.

Ферреро, как и другие, не знает истории России и не разумеет ни ее судьбы, ни ее строя, ни ее задач. Для него, как и для всех европейцев (о как редкостны исключения!), Россия есть – «далекая, полуварварская империя», «олигархия восточных сатрапов», страна «деспотизма, подмявшего под себя сто миллионов людей, «огромное военное государство, основанное и управляемое мечом, эксцентричное, наполовину оевропеившееся»... Кроме этих мертвых пошлостей он не знает о России ничего. И потому – понять и объяснить мировую политику ее Государей – он не может. Но он это честно выговаривает: «Эта политика», упорно и потомственно добивавшаяся в Европе и в Азии «устойчивого равновесия», есть для него «одна из великих тайн истории XIX века», которую «важно было бы изучить и понять». И вот Ферреро имеет мужество признать эту политику, точно формулировать ее сущность и ее значение для всего мира и с величайшею тревогою отметит ее вынужденное прекращение. Предоставим слово ему самому.

Девятнадцатый век принес Европе «очень немного войн», «мало кровавых и мало разорительных, кроме разве войны

1870 года. Германия, Франция, Англия, Соединенные Штаты – гордились до самого 1914 года тем порядком и миром, которые господствовали во вселенной в течение целого века, тем богатством, которое им удалось извлечь из этого порядка и мира, и соответствующим прогрессом. Все эти «чудеса, ослепившие XIX век», они считали своим делом и своей гордостью. Но теперь мы знаем, что мы тут были ни при чем, что это был почти бесплатный дар, поднесенный Германии, Франции, Англии, Соединенным Штатам, всему Западу – последними наследниками Византии», т. е. русскими Царями.

«После 1918 года мы слишком скоро забыли, что с 1815 года до 1914 года, в течение века, Россия была великой силой равновесия в Европе». «С 1815 до 1870 года Россия поддерживала и подкрепляла германский мир, помогая ему прямо и косвенно. В 1849 году она спасла Австрию, послав в Венгрию свою армию, чтобы подавить мадьярскую революцию. Бисмарк смог объединить Германию и создать империю между 1863–1870 годами, потому что петербургское правительство давало ему свободу, если не прямо поощряло его. Тогда в Петербурге хотели усиления Германии, чтобы она была противовесом Англии и Франции, врагам России по Крымской войне. Но после 1870 г. германский мир быстро принимает гигантские размеры и замашки. И вот Россия понемногу отделяется от него и переходит в другой лагерь. В 1875 году она помешала Германии напасть на Францию. По-

сле 1881 года»... «Россия все больше и больше сближается с Францией. Почему? Потому что германское могущество все возрастает». Наконец, в 1891 году заключается настоящий союз с Францией, а в начале XX века «Англия и Россия, два соперника, объединяются против германской опасности».

Как бы ни объяснялась тайна этой «выдержанной, вековой политики европейского равновесия», проводившаяся русскими Императорами, – «бесспорно, что если Европа пользовалась целый век миром, лишь с перерывом от 1848 до 1878 года, то она обязана этим в значительной степени такой русской политике. В течение века Европа и Америка были на банкете всеобщего благоденствия – гостями и почти прихлебателями русских Царей.

Но этим «парадокс не исчерпывается: эта огромная военная империя»... «была также стражем порядка и мира в Азии. Ураган, разоряющей Азию вот уже больше 20 лет (теперь уже 39 лет!), начался только в 1908 году вместе с турецкой революцией, и в 1911 году вместе с китайской революцией. С 1815 года до этих революций Азия пребывала в сравнительном порядке, которым Европа широко пользовалась для распространения своего влияния и для устройства своих дел. Но этот порядок поддерживался, главным образом, страхом перед Россией. В Турции, в Персии, в Индии, в Японии – имелись англофильские партии. Все уступали интригам или даже господству Англии, потому что Англия казалась защитой против московской империи и меньшим

злом». Таким образом, «обе державы помогали друг другу, ведя борьбу друг против друга; и их азиатское соперничество было самым парадоксальным сотрудничеством в мировой истории». Понятно, что «крушение царизма» в 1917 году «стало для Азии сигналом к восстанию против Европы и против западной цивилизации».

Теперь «все заняты новым правительством, овладевшим Россией», стараясь разгадать его намерения, и «забыли об империи Царей, как если бы она исчезла совсем»; а между тем, «последствия ее крушения только еще начинают ощущаться». «Цари России уже не даруют ежедневно Европе и Азии даров мира и порядка», а «Европа и Америка не находят ничего такого, что могло бы заменить эту политику равновесия, в течение века регулирующую жизнь вселенной».

Все это было написано в 1933 году. С тех пор произошло очень многое, подтвердившее предвидения и опасения Ферреро. Миротлюбивая Россия лежит все еще в прострации, в разорении, унижении и муках. Ее место занято посягающим «на все» Советским Союзом. Это новое, в корне нерусское и враждебное национальной России псевдогосударство явилось невиданным в истории человечества революционным и военным агрессором – и мир трепещет в ожидании новой разрушительной войны. Регулятором мирового равновесия пришлось стать Соединенным Штатам.

Но вернемся к прошлому, к «неразгаданной тайне», выдвинутой в статье Ферреро.

Голос политической честности, гражданского мужества и искреннего непонимания – всегда производит глубокое впечатление, особенно в нашем пролганном мире. Этот голос заслуживает внимания и уважения.

Первое, что необходимо установить для разьяснения выдвинутой итальянским ученым проблемы и политической «тайны», – что между русскими Государями и русским народом существовала духовно-органическая связь. Эта связь прерывалась очень редко; и государи, не умевшие установить ее (Анна Иоанновна под влиянием Бирона, Иоанн Шестой по малолетству и Петр III по чужеземству) проходили в русской истории, как тени. Иностранная кровь, вливавшаяся в русскую династию (в силу «равнородных» браков) – преодолевалась обычно уже в следующем поколении. Этому содействовали глубокие духовные обстоятельства: 1. Своеобразие русского духовного уклада, не совмещающегося с западно-европейским укладом и властно требующего ассимиляции. 2. Православная вера, вовлекающая в религию главное чувствовалище человеческой души и не мирящаяся с формальной обрядностью и условным ханжеством. 3. Особливость русской государственной судьбы, трагической по самому своему существу: ее надо понять трепетом сердца и принять совестью и волею. 4. Сила нравственного излучения, исходившего от монархически чувствующего и волящего народа, направленного к Государю и его Дому. 5. Чуткая даровитость русских Государей, религиозно осмысливающих свое служе-

ние и вдохновлявшихся верою в русский народ, а также в особенности – любовью к нему. В силу всего этого драгоценная связь между монархом и народом устанавливалась быстро и напрочно. Это давало русским Государям возможность чувствовать и созерцать свою страну, жить в основном русле его истории и мыслить из его трагической судьбы. Они, так сказать, «врастали» в Россию, чему много содействовала художественная даровитость русского человека. Русский народ, созерцая сердцем своих Государей, вовлекал их (уже в звании наследника!) в ответное сердечное созерцание, и Государям, – инстинктивно и интуитивно, – открывалось самое существенное: душевный и духовный уклад русского народа, его историческая судьба, его грядущие пути и, в особенности, его опасности. Они оставались людьми и могли ошибаться (недооценивать одно и переоценивать другое); это возлагало на русских людей долг правды и прямого стояния перед Государем. Но в основном они редко сомневались.

К началу XIX века русский народ нуждался прежде всего и больше всего – в мире. Он провоевал, по точному исчислению генерала Сухотина и историка Ключевского, буквально две трети своей жизни – за свою национальную независимость и за свое место под солнцем, которое оспаривали у него все соседи. Эти войны столетиями растрачивали его лучшие силы: гибли самые верные, самые храбрые, самые сильные духом, волею и телом. Эти войны задержали

его культурный и хозяйственный рост. Им надо было положить конец. А между тем с Семилетней войны (1756–1762) Россия была вовлечена в западноевропейские трения и войны: она стала членом «европейского концерта» на положении великой державы и не могла уже отказаться от этого пути. Следование по нему принесло нам целый ряд величайших государственно вредных осложнений: разделы Польши, Суворовский поход и затяжные войны с Наполеоном, окончившиеся, как известно, опустошением ряда губерний, сожжением Москвы и ликвидационной войной за пределами России. В общем, много славы, очень много ненужного бремени и огромные потери.

После наполеоновских войн положение России выяснилось недвусмысленно. Дипломатически и стратегически «уйти из Европы» – значило бы предоставить опередившим нас европейским державам стовариваться на свободе против России, замышляя против нее недоброе, а самим пассивно ждать нового вторжения «дванадесяти язык». Этот исход был бы равносителен самопредательству. Технически же, хозяйственно и культурно этот уход был бы еще большей ошибкой. Но, оставаясь в «европейском концерте», надо было считаться с неизбежностью новых стратегических вовлечений в западные дела и соперничества. Оставалось одно, – мудрое и верное: – неуклонно и искусно поддерживать в Европе и Азии равновесие сил и длительное замирение.

И вот, начиная с первой французской революции, впер-

вые показавшей европейцам весь размах этого заразительно-го психического заболевания масс, Россия должна была считаться с двумя кровавыми опасностями, идущими из Европы: с войной и с революцией. Это уразумели уже Екатерина II и Павел I. Что может дать России европейская война – показали тогда наполеоновские походы. Что может вызвать в России массовое восстание, показали бунт Разина, стрелецкие заговоры при Петре Великом и самозванство Пугачева. Русские государи XIX века видели обе эти опасности, которые нисколько не тревожили русскую революционную интеллигенцию. Поэтому они стремились оградить Россию – и от ненужных войн, и от революционных безумий. Они хотели вывести народ, по возможности без войн и решительно без революции, на путь реформ, дальновидно подготовлявшихся Императором Николаем I и превосходно осуществленных Императором Александром II.

Ныне история подтвердила их политическую линию: строить Россию мировым равновесием сил; не допускать ее провала в стихию восстания; и повышать уровень ее культуры и правосознания. В начале XX века, когда Россия больше всего нуждалась в мире и в лояльном прогрессе, – именно война и революция принесли ей невиданное в истории крушения и превратили ее в очаг мировой заразы...

В течение всего XIX века европейцы не верили – ни в миролюбие России, ни в мудрые и прогрессивные замыслы ее императоров. Они уверяли себя, что Россия стремится к

территориальному расширению и желает покорить себе всех соседей. Конечно, у страха глаза велики; но ведь и сила суждения, именуемая в общежитии «умом», дается человеку на что-нибудь... Европейцы сделали себе из России что-то вроде «пугала». Это объясняется, между прочим, – провинциальностью их политического горизонта: они никогда не могли представить себе того пространства, которым Россия уже оплодотворена, и в то же время обременена; они все воображали, что Россия с ее малою плотностью населения, нуждается в их переуплотненных жителями клочках территории; они не понимали, что экспансия имеет смысл только в сторону менее населенных стран и что Россия, с ее православной верою и с ее просторами, никогда не могла дойти до чудовищной германской мысли – истреблять население завоеванной страны, чтобы отдать ее своим насельникам... На самом же деле – не русских тянуло завоевывать Европу, а европейцы разных государств мечтали (вослед за шведским королем Густавом Адольфом!) отодвинуть Россию в Азию и отнять у нее ее «передние» европейские земли. Последние полвека наглядно подтвердили это стремление – и со стороны Германии (два похода на Россию, в Прибалтику и на Украину вплоть до Волги и Кавказа!) и со стороны Польши, определенно мотивировавшей свою экспансию на восток «необходимостью обеспечить свои грядущие поколения» коренными русскими землями и донныне заселенными русским народом.

Все это заставляет нас признать миролюбивую и уравновешенную политику русских Государей в XIX веке – рационально верной, дальновидной и мудрой. Она является прямой противоположностью советскому революционному завоевательству и может казаться «империалистической» или «таинственной» только неосведомленному европейцу, раз навсегда испугавшемуся «русского колосса» и ликующему каждый раз, как ему дается повод провозгласить, что сей колосс – «на глиняных ногах». И если бы европейские газетчики знали и понимали, какая политическая глупость нужна для того, чтобы повторять их отождествление русской национальной политики «равновесия» с советской политикой революционного завоевания мира, то многие из них вырвали бы себе остатки волос на голове...

Мировой самообман

С тех пор, как коммунисты завладели Россией и превратили ее в плацдарм мировой революции, прошло 32 года, и за это время, казалось бы, так называемое «мировое общественное мнение» могло и должно было рассмотреть, что произошло с национальной Россией и что представляет из себя вновь возникшее, национальной России враждебное и от нее во всех своих целях и средствах отличное, новое государство. Это небывалое в истории правительство небывало-го в мире государства – культурные западноевропейцы, с их эгоцентризмом и шахматным мышлением, конечно, не могли постигнуть сразу. Поняли они «Бебеля», а взошел «Ленин»; надеялись они на демократический урожай, а выросла тоталитарная деспотия. Однако большевики с самого начала не скрывали ни своих целей, ни своих планов, ни своей тактики, ни своего отношения к остальному человечеству: все выговаривалось громко и все делалось почти в открытую. Коммунисты «верили», что хозяйственная «анархия», хозяйственные кризисы и буржуазный империализм – подтачивают и очень скоро погубят «капиталистические» страны; и в силу этой глупой и близорукой доктрины, против которой тщетно и долго пытался аргументировать, ныне наконец услышанный, «Компроф» Варга, не стеснялись громко говорить в присутствии якобы «полумертвого» старика о том,

как лучше его прикончить и как обойтись с его наследством.

Уже Ллойд-Джордж разглядел, что имеет дело с «людо-едами», но решил «торговать с ними». Уже социал-демократическое правительство Германии (Носке!) разобралось в вопросе о том, чего следует ждать от Коминтерна, и решило не пускать его к себе, а пока что разыграть «псевдодружбу» против Антанты (Рапалло). С тех пор Коминтерн, его Исполнительный Комитет, его Политбюро, его Совнарком, его Чека-Гепеу – действовали повсюду в открытую: разрабатывали детальные планы для пропаганды, организации мировой войны: излагали эти планы в резолюциях, переводили эти резолюции томами на все языки и повсюду открыто их продавали; приводили эти резолюции в исполнение и поучали вселенную своими партиями и «акциями», потрясая до корня то Италию (1920), то Болгарию (1923), то Эстонию (1924), то Англию (1926), то Австрию (1927), то Китай (1928), то Германию (1929), то Испанию (1931–1935), то Францию (1934) и Соединенные Штаты (1934) и т. д. И все это постоянно освещалось и разъяснялось серьезной и ответственной антикоммунистической литературой, выпускавшейся русскими эмигрантами на всех европейских языках. Сталинский террор тридцатых годов (коллективизация крестьян, партийные процессы и казни, «чистка» красной армии, ежовщина, концлагеря) – был подробно описан и обсужден во всей мировой прессе. Казалось бы – европейцы и американцы, по крайней мере наиболее дальновзоркие и чут-

кие из них, могли понять, в чем дело и что есть Советская власть...

Но вот началась Вторая мировая война и обнаружила, что умственная лень, застарелая предубежденность против России, экономическая и торговая заинтересованность, полное незнание русской истории и тайная прокоммунистическая пропаганда, ведшаяся повсюду (и коммунистами и полуреволюционной «закулисой»), затмили политическую дальновзоркость, возобладали над трезвым разумением и привели великие и малые державы к целому ряду грубых (политических, экономических и стратегических) ошибок. Ни германцы, ни англичане, ни французы, ни итальянцы, ни американцы – не «реализовали» воображением и мыслью новое явление мировой истории и судьбу национальной России; и не сумели сделать из этого волевых и практических выводов. Ни героический Черчилль, ни лукавый Рузвельт, ни самоуверенный Муссолини, ни тупой фанатик Гитлер – не поняли натуры и намерений Сталина, не поняли различия между национальной Россией и Советским Союзом, не постигли судьбы и своеобразия русского народа и наделали величайших исторических ошибок. Гитлер затеял бороться сразу с коммунистами и с русским народом – и погиб. Муссолини понимал коммунистов, но совсем не знал Россию и поддался гипнозу Гитлера. Черчилль и Рузвельт «договаривались» со своим лютым врагом в Тегеране, в Ялте, в Потсдаме и отдали ему из политической наивности и «союзнической лояльно-

сти» все малые государства Восточной Европы и Маньчжурию с Китаем в Азии; отдали, а преемники их схватились за голову, когда было уже поздно.

Поняли ли теперь великие державы и их правительства – мировую конъюнктуру? Разобралось ли теперь мировое «общественное мнение» в прошлых ошибках и будущих опасностях?

К сожалению – нет еще. Есть отдельные зоркие политики и – ясно мыслящие стратеги, которые видят и ошибки и опасности. Не следует называть их имена из осторожности. Но наряду с ними прокоммунистическая печать и полуреволюционные закулисные организации продолжают свою пропаганду и делают все возможное, чтобы «смешать карты», чтобы отвести влиятельным политикам глаза, выдать ложь за истину и тем, с одной стороны, облегчить мировому коммунизму его работу, а с другой – затруднить некоммунистическим государствам (и политически и стратегически) – разумное и успешное сопротивление...

И первое о чем они стараются, это – о смешении Советского государства с Россией: делается все для того, чтобы выдать политику коммунистов за дело русского народа, и еще хуже, еще глупее, чтобы выдать всю советскую революцию за коварно-злодейский прием «России», жаждущей будто бы мирового завоевания и потому «притворяющейся» коммунистической. Такие статьи ныне рассылает, напр., так называемый Комитет борьбы за демократию («закулиса») по

всем странам западного блока.

О расчленителях России

У национальной России есть враги. Их не надо называть по именам: ибо мы знаем их, и они знают сами себя. Они появились не со вчерашнего дня, и дела их всем известны из истории.

Для одних национальная Россия слишком велика, народ ее кажется им слишком многочисленным, намерения и планы ее кажутся им тревожно-загадочными и, вероятно, «завоевательными»; и самое «единство» ее представляется им угрозой. Малое государство часто боится большого соседа, особенно такого, страна которого расположена слишком близко, язык которого чужд и непонятен, и культура которого инородна и своеобразна. Это противники – в силу слабости, опасения и неосведомленности.

Другие видят в национальной России – соперника, правда, ни в чем и никак не посягающего на их достояние, но «могущего однажды захотеть посягнуть» на него, или слишком успешным мореплаванием, или сближением с восточными странами, или же торговой конкуренцией! Это недоброхоты – по морскому и торговому соперничеству.

Есть и такие, которые сами одержимы завоевательными намерениями и промышленной завистью: им завидно, что у русского соседа большие пространства и естественные богатства; и вот они пытаются уверить себя и других, что русский

народ принадлежит к низшей, полуварварской расе, что он является не более чем «историческим навозом» и что «сам бог» предназначил его для завоевания, покорения и исчезновения с лица земли. Это враги – из зависти, жадности и властолюбия.

Но есть и давние религиозные недруги, не находящие себе покоя оттого, что русский народ упорствует в своей «схизме» или «ереси», не приемлет «истины» и «покорности» и не поддается церковному поглощению. А так как крестовые походы против него невозможны и на костер его не взведешь, то остается одно: повергнуть его в глубочайшую смуту, разложение и бедствия, которые и будут для него или «спасительным чистилищем», или же «железной метлой», выметающей Православие в мусорную яму истории. Это недруги – из фанатизма и церковного властолюбия.

Наконец, есть и такие, которые не успокоятся до тех пор, пока им не удастся овладеть русским народом через мало-заметную и инфильтрацию его души и воли, чтобы привить ему под видом «терпимости» – безбожие, под видом «республики» – покорность закулисным манованиям, и под видом «федерации» – национальное обезличие. Это зложелатели – закулисные, идущие «тихой сапой» и наиболее из всех сочувствующие советским коммунистам, как своему («несколько пересаливающему») авангарду.

Не следует закрывать себе глаза на людскую вражду, да еще в исторически-мировом масштабе. Неумно ждать от

неприятелей – доброжелательства. Им нужна слабая Россия, изнемогающая в смутах, в революциях, в гражданских войнах и в расчленении. Им нужна Россия с убывающим народонаселением, что и осуществляется за последние 32 года. Им нужна Россия безвольная, погруженная в несущественные и нескончаемые партийные распри, вечно застревающая в разногласии и многоволии, неспособная ни оздоровить свои финансы, ни провести военный бюджет, ни создать свою армию, ни примирить рабочего с крестьянином, ни построить необходимый флот. Им нужна Россия расчлененная, по наивному «свободолюбию» согласная на расчленение и воображающая, что ее «благо» – в распадении.

Но единая Россия им не нужна.

Одни думают, что Россия, расколовшаяся на множество маленьких государств (напр., по числу этнических групп или подгрупп!), перестанет висеть вечной угрозой над своими «беззащитными» европейскими и азиатскими соседями. Это выговаривается иногда открыто. И еще недавно, в тридцатых годах, один соседний дипломат уверял нас, что такое саморасчленение «бывшей России» по этническим группам будто бы уже подготовлено подпольными переговорами за последние годы и начнется немедленно после падения большевиков.

Другие уверены, что раздробленная Россия сойдет со сцены в качестве опасного, – торгового, морского и имперского, – конкурента; а затем можно будет создать себе превосходные

«рынки» (или рыночки) и среди маленьких народов, столь отзывчивых на иностранную валюту и на дипломатическую интригу.

Есть и такие, которые считают, что первую жертвою явится политически и стратегически бессильная Украина, которая будет в благоприятный момент легко оккупирована и аннексирована с запада; а за нею быстро созреет для завоевания и Кавказ, раздробленный на 23 маленькие и вечно враждующие между собою республики.

Естественно, что религиозные противники национальной России ожидают себе полного успеха от всероссийского расчленения: во множестве маленьких «демократических республик» воцарится, конечно, полная свобода религиозной пропаганды и конфессионального совращения, «первенствующее» исповедание исчезнет, всюду возникнут дисциплинированные клерикальные партии и работа над конфессиональным завоеванием «бывшей России» закипит. Для этого уже готовится целая куча искушенных пропагандистов и вороха неправдивой литературы.

Понятно, что и закулисные организации ждут себе такого же успеха от всероссийского расчленения: среди обнищавшего, напуганного и беспомощного русского населения инфильтрация разольется неудержимо, все политические и социальные высоты будут захвачены тихой сапой и скоро все республиканские правительства будут служить «одной великой идее»: безыдейной покорности, безнациональной циви-

лизации и безрелигиозного псевдобратства.

Кому же из них нужна единая Россия, это великое «пугало» веков, этот «давящий» государственный и военный массив, с его «возмутительным» национальным эгоизмом и «общепризнанной» политической «реакционностью». Единая Россия есть национально и государственно-сильная Россия, блюдущая свою особливую веру и свою самостоятельную культуру: все это решительно не нужно ее врагам. Это понятно. Это надо было давно предвидеть.

Гораздо менее понятно и естественно, что эту идею расчленения, обессиления и, в сущности, ликвидации исторически национальной России, ныне стали выговаривать люди, родившиеся и выросшие под ее крылом, обязанные ей всем прошлым своего народа и своих личных предков, всем своим душевным укладом и своей культурой (поскольку она вообще им присуща). Голоса этих людей иногда звучат просто слепым и наивным политическим доктринерством, ибо они, видите ли, остались «верны» своему «идеалу федеративной республики», а если их доктрина для России неподходяща, то тем хуже для России. Но иногда эти голоса, как ни страшно сказать, проникнуты сущей ненавистью к исконной исторически сложившейся России, и формулы, произносимые ими, звучат безответственной клеветой на нее (таковы, например, статьи «федералистов», печатающихся в нью-йоркском «Новом Журнале», статьи, за которые целиком ответственна и редакция журнала, и основная группа его со-

трудников). Замечательно, что суждения этих последних писателей, по существу своему, очень близки к той «украинской пропаганде», которая десятилетиями культивировалась и оплачивалась в парниках германского милитаризма и ныне продолжает выговаривать свою программу с вящим ожесточением.

Читая подобные статьи, невольно вспоминаешь одного предреволюционного доцента в Москве, недвусмысленного пораженца во время первой войны, открыто заявлявшего: «У меня две родины, Украина и Германия, а Россия никогда не была моей родиной». И невольно противопоставляешь его одному современному польскому деятелю, мудрому и дальновидному, говорившему мне: «Мы, поляки, совершенно не желаем отделения Украины от России! Самостоятельная Украина неизбежно и быстро превратится в германскую колонию, и мы будем взяты немцами в клещи – с востока и с запада.

И вот, имея в виду русских расчленителей, мы считаем необходимым привлечь внимание наших единомышленников к проблеме федерации по существу. И для этого просим внимания и терпения; ибо вопрос этот – сложный и требует от нас пристального рассмотрения и неопровержимой аргументации.

Ненавистники России

Мы не должны забывать о них никогда. Нам не следует вообразать, будто они «успокоились» и «бездействуют», удовлетворившись тем, что они подкинули нам коммунистов, другие 36 лет поддерживают или разыгрывают их в свою пользу... Этого им мало: надо еще унижить и очернить русскую культуру, изобразить русский народ как рабский народ, достойный своего рабства, надо подготовить расчленение русского государства и завоевание русской территории, надо исказить, унижить и покорить его христиански-православное исповедание. Усилия в этом направлении не прекращались за все время большевистской революции. Они продолжаются и теперь. Причем, одна из излюбленных форм этой пропаганды состоит в том, чтобы залучать в свои сети чисто русских или недообрусевших писателей и побуждать их, как, якобы, «знатоков» вопроса, выступать в печати со статьями или с целой книгой очернения и оклеветания. Ученым за это обещается (а иногда и фактически устраивается!) кафедра; писателям открываются «тайные двери» и источники, пути к радиовещаниям, паспортным облегчениям, вознаграждениям и лекционным разъездам. Скажем прямо: кто хочет делать карьеру в эмиграции, тот должен идти к врагам России и с невинным лицом становится в их ряды. Автор этих строк знает этот прием «зазывания» и по другим,

и по себе самому, ибо ему не раз делались подобные (иногда совершенно обстоятельные!) предложения. Ему известны также «русские» люди, которые, открывают в себе польское, или шведское, или балтийское, или хотя бы туранское естество, вступали на этот путь и делали карьеру в эмиграции.

Мы отнюдь не хотим сказать этим, что всякий, критикующий Россию, русский народ и русскую культуру, – «продался» и заведомо клеветает. Нет, возможны люди, ненавидящие Россию и готовые сказать о ней любой вздор и любую мерзость, не будучи подкупленными: что же с ними делать, если Россия им не нравится (напр., католикам; однако, не только им!). Вспомним хотя бы непристойный памфлет, выпущенный в свет некоей госпожой Бертой Экштейн, в 1925 году, под псевдоанглийским псевдонимом «сэр Галахад». Памфлет назывался «Путеводитель идиотства по русской литературе». Здесь все – сплошное невежество, все искажено, поругано, перевернуто и притом с каким-то апломбом развязного всезнайства!.. Здесь русские (буквально!) уподобляются грязным собакам, обдельвающим стенку и заранее визжащим от страха, что их ткнут носом в содеянное (28). Русский – это жестокий, злобный, тупой, лишенный достоинства, сексуально извращенный «эксгибиционист» (29); немзыкальный, антипоэтический (51.88–89.111 и др.) «секретин» вроде Кутузова и Платона Каратаева (44), неспособный ни к какому творчеству (47), до всегда готовый к раз-

рушению (38), все равно, будь это «татарин Тургенев» (102. 142), «Иванушка Страшный» (99. 101) или «Ванкья При-вратник» (50. 61). Словом: Россия есть творческая «пустота» (47. 109. 119), а русский народ – «яровая чернь» (100). Не довольно ли? – Вспомним тут же книгу о России католика Гуриана, вышедшую через несколько лет в Германии незадолго до водворения Гитлера в качестве поддержки для рейхсканцлера Брюнинга и прелата Кааса с их просоветской политикой. Он, между прочим, изображал Ленина как великого воспитателя в истории человечества... И мы не имеем доказательств для того, чтобы заподозрить его в «неискренности»: кто знает, может быть, он и его предшественница верили в свои соблазны и были «убежденными сторонниками» своих слепых и злобных глупостей? Разве человеческая глупость имеет свою меру? Нельзя же всякую слепоту и всякое невежество уверенно приписывать нарочитой лживости или подкупности автора! Возможно еще и простое отсутствие силы суждения, убожество духа, фанатизм иноверия или, наконец, «конфессиональная дисциплина»...

Однако нам гораздо труднее поверить, что те вороха неправды и клеветы о России, о русских Государях и их национальной политике, которые напечатаны в книге русского профессора Гогеля (1927, по-немецки) и в статьях г. А. Салтыкова (1938 г. в Бельгии) свидетельствуют именно о их духовной слепоте и о малой силе суждения, ибо они, как люди (не скажу «русские»), но выросшие в России и совершившие

там всю свою карьеру, могли и должны были знать, где кончается правда и где начинается ложь.

Мы не будем возражать г-ну Гогелю, состоявшему до 1912 года помощником статс-секретаря Государственного Совета, на его выходки против русских Государей и Великих Князей, против русской бюрократии и русского народа в целом, особенно против великороссов. Но когда он, например, сообщает об Императоре Александре III, будто у него «из-за голенища сапога всегда торчала бутылка водки» (стр. 42. 51); когда он рассказывает о небывалых «попойках» Императора Николая II (стр. 53); когда он выдумывает, будто Великий Князь Николай Николаевич, как Главнокомандующий русской армией, «работал хлыстом» (117), и будто русская армия вообще держалась «дисциплиной кнута и палки» (135); когда он характеризует русскую бюрократию, как «стаю волков», как бессовестную «банду», как «ползучий рак» (59. 107. 34. 125. 49. 120. 126), как секту духовных скопцов (66. 114); когда он отказывается говорить вообще «о великороссах, как о народе» (139. 143 и др.), – то, читая все эти лживые непристойности, невольно спрашиваешь себя, куда он ведет и для чего он старается? И лишь постепенно начинаешь понимать скрытую тенденцию всей этой «композиции»: только люди другой крови могут дать русскому хаосу истинную дисциплину и государственную форму... Вера в Россию утрачена; ей нужен иноземный хозяин... в лице немца. Вероятно, эта книга и вышла потому в серии, выпущенной «немецким об-

ществом для изучения Восточной Европы», один из председателей которого профессор русской истории в Берлине, Хёч в двадцатых годах спровоцировал профессора С. Ф. Платонова в «доверительной» беседе и затем выдал его советскому послу Крестинскому.

За Гогелем пришел Салтыков с его учением о том, будто Православие не пробудило в русском народе ни любви, ни жажды истины, ни чувства красоты и ранга: наш народ остался детищем небытия, вечной смерти и хаоса; русская душа нигилистична, чужда порядку и иерархии и ненавидит государственный авторитет; она «лишена любви» и «ненавидит всякую форму»... Но именно эти слова публичного самооплевания, помещенные в католической печати, заставили нас усомниться в самостоятельности салтыковских суждений и вспомнить о его главном предшественнике, Чаадаеве... Выяснилось, каким путем идут враги Православия – католики, и откуда следует ожидать их дальнейшего нападения. И вот, несколько лет тому назад эта новая атака, подготовленная ненавистными выходками господина Федотова против России и Православия, против русских Государей, русского чиновничества и русского народа, к поруганию которых Федотов как бы приглашал в своих клеветнических статьях, состоялась на немецком языке: ненавистники России давно уже перекликаются друг с другом.

Мы разумеем увесистую книгу русско-шведского католика Александра фон Шельтинга «Россия и Европа в русском

историческом мышлении» (1948 г., стр. 404), написанную на немецком языке человеком, знающим хорошо по-русски, с точными цитатами и с претензией осветить «до корня» всю историю России. Он якобы знает основной недуг России и может указать ей путь к спасению. А именно: все дело в том, что России не следовало принимать христианство от Византии: спасти Россию от бед мог только римский католицизм, который равнозначен для автора, европейской культуры и цивилизации.

Для этой мысли г. Шельтинг имеет два основания: во-первых, свою католическую веру (источник, ни для кого, кроме католиков, не убедительный!), а, во-вторых, мнения своего авторитетного наставника, которого он сам называет своим «вождем» (стр. 330. 170. 213), а именно, Петра Чаадаева (1793–1856). Ему он наивно приписывает «энциклопедическую начитанность», от которой он в восторге (46. 185): он все время «учится» у него, превозносит его, восхваляет, вопрошает его как пророка (45. 54. 87. 138. 142. 144. 198). Незаметно Шельтинг «тонет» в Чаадаеве и становится его наивной и верной «тенью»; Чаадаев же не признает на земле никаких ценностей, кроме римского католицизма...

Откуда же могла быть такая универсальная осведомленность у Чаадаева? Ведь он выносил ее уже к началу тридцатых годов, когда он еще не имел возможности овладеть ни историческими источниками о католической церкви, ни большими научными сочинениями по сему вопросу. Это от-

носится и к историкам Европы и Германии, за исключением Нибура. Историческая наука ходила тогда еще в детских башмачках; научные исследования или отсутствовали, или же были примитивны; первоисточники были еще не напечатаны...; а для протестантизма в особенности, Чаадаев никогда не имел никакого понимания: он мог только слепо верить тому, что выдумывала католическая пропаганда о своей церкви и о средних веках и повторять затверженное.

Что же касается истории России, то надо признать, что здесь сила суждения Чаадаева была совершенно беспредметна. Первые тома истории Карамзина, повествователя патристического, но в смысле исследования источников беспомощного, вышли в 1818 году и в дальнейшем были доведены только до Смутного времени. С тех пор прошло 130 лет. За эти десятилетия русское историческое исследование, так же как и вся русская культура, переживало эпоху великого расцвета и плодоношения; то, что создали в России литература, музыка, театр, живопись, архитектура, скульптура, наука, религиозное исследование, фольклор, раскопки, преистория, опубликование источников – все это постепенно обреталось и поднималось из глубины народного духа и все это представляет из себя величайшее богатство. 130 лет назад все это можно было только предчувствовать, прозорливо предвосхищать подобно Пушкину, как «уже наличное» и в то же время – только еще «грядущее». Вот два примера.

1. За это время, например, собирали и изучали те самые

народные песни, которые тогда «просто пелись»; и чем дальше шло это изучение, тем более и русские и нерусские люди (напр., профессор Рудольф Вестфал (1826–1892), одинаково изумлялись и богатству мелодии, и творческому ритму этих песен, и выражению их, и особенно их совершенно своеобразным тональностям и гармониям; и до сих пор никому еще не удалось ни свести это сокровище национальных песен к западноевропейским формам, ни музыкально классифицировать их виды.

2. Что же касается русских исторических исследований за эти 130 лет, как в детальном изучении материала, так и в окрыленных синтезах, – то надо просто признать, что выдумки Чаадаева были совершенно вздорны и беспочвенны и давно уже ниспровергнуты и рассеяны. В начале XIX века Россия стояла непосредственно перед великим расцветом своей культуры, а Чаадаев не видел ни одного бутона, ни одной завязи из всего этого богатства и проклинал все естество русского духа, предсказывая ему засыхание на корню и гибель. Но проклятие его поразило не Россию, а его самого.

Итак, суждения Чаадаева, составляющие «закон» для его ученика Шельтинга, оказались на самом деле беспредметными и парадоксальными выдумками; а с точки зрения современной науки они являются до смешного устаревшими, наивными и размашисто претенциозными. И тот, кто ныне читает его пресловутые письма, начинает грустить, негодовать и стыдиться за него; так мало знать и так самоуверенно

и беспредметно разглагольствовать было непозволительно и тогда уже! Но католику Шельтингу это разглагольствование близко и попутно, и он не стесняется воспроизводит его как «истину» вопреки всякой правде и всякой обличенности.

Когда, например, Чаадаев говорит, что русский народ есть «ничто», «пустота», *Tabula rasa*, без истории, без национальности, без традиции и без самопочинной деятельности, – то на самом деле это он сам не знал ничего о своем отечестве, над которым он надругивался; – не знал ничего, не мог знать, да и не хотел. Эта «пустота» жила в нем самом; это «ничто» – выражало только его собственное невежество. Это он растерял все традиции своего народа, чтобы отречься от Православия в презрительных словах и поставить католицизм мерою совершенства. Однако к римской церкви он окончательно не примкнул, как это сделали Печорин, князь Гагарин и еще кое-кто из тогдашней интеллигенции. Его «литературная» деятельность состояла в том, что он писал выдающимся иностранцам – по-французски и в поучающем тоне – письма, которые у него дома переписывались. В этих письмах он поносил свой народ и свое отечество; а когда выдающиеся люди того времени, как, например, философ Шеллинг, не удостоивали его ответом, то он изумлялся и негодовал. Так он и остался – беспочвенным корреспондентом, католическим снобом, невежественным поругателем своей родины, самодовольным парадоксалистом...

Если, например, читаешь у Чаадаева, что «порядки» ев-

ропейского средневековья походили боле всего на Царство Божье на земле, то невольно спрашиваешь себя: что это, полное невежество, заведомая ложь или больной бред? – Или, когда читаешь у него, что вся реформация является плачевным событием; или, что Европа целыми веками жила как настоящая федерация; что история вообще есть лишь тогда история, если во всех делах господствует единый принцип и т. под., то видим перед собою беспочвенного фантазера с давно уже преодоленную необразованностью. И становится стыдно.

Но Шельтинг является его учеником и последователем; и нетрудно себе представить, куда это ведет. То, что у Чаадаева ест апломб, основанный на невозможности настоящего знания, оказывается у Шельтинга нежеланием знать историческую правду, ибо он нуждается во всех этих фантазиях, ошибках и нарочитых наивностях для того, чтобы внушить своему читателю свою собственную доктрину, которая в общем имеет такой вид.

Шельтинг стремится внушить читателю, что современный тоталитарно-коммунистический режим со всеми его опасностями и планами завладения миром – выражает настоящую духовную субстанцию русского народа. Россия и большевизм едины. Мы уже слышали это и до Шельтинга от современных полурусских недоумков или предателей. Но в целую «чаадаевскую доктрину» эта ложь разворачивается впервые. Русская история, видите ли, была сплошным потоком

унижения и рабства. Именно поэтому русский, как раб, ищет себе компенсации в виде завоевания мира: этому рабу снится сон о всемирной деспотии и эксплуатации других народов. Агрессивность сидит в русской крови, как воля к экспансии. Так было уже у славянофилов: вся их доктрина, их восхваление русского народа и особенно греческого Православия, коренится не в какой-нибудь религиозной вере, и не в искреннем патриотизме, но в необузданном честолюбии, в «мании грандиозе», которая выросла, как у древних иудеев, из унижений и из жажды компенсации. Русская интеллигенция вообще не умеет воровать; она пытается только, подобно Шатову в «Бесах» насильно завладеть верою, чтобы злоупотребить ею политически и националистически.

Вся книга Шельтинга наполнена такими искажениям, умолчаниями или поношениями. Так он уверяет, будто Петр Великий «ненавидел, преследовал и разрушал» «все русское» и добивался полной европеизации России; эта нелепая выдумка совершенно не соответствует действительности, зато превращает гениального человека в тупого фанатика. Читая эдакое и думаешь: чего здесь больше – невежества, ненависти или развязности? Известная патриотическая отповедь Пушкина, данная Чаадаеву, замалчивается совсем: «Клянусь Вам моею честью, что я ни за что не согласился бы переменить родину, ни иметь другую историю, чем история наших предков, какую нам послал Господь...» Этим искажен духовный облик Пушкина, с его дивною прозорли-

востью и патриотизмом: ибо он ведал духовным опытом такую глубину России, которая оставалась недоступной духовному изгоя Чаадаеву. А вот Шельтинг, цитируя слова Шатова из «Бесов», приписывает их смысл самому Достоевскому, тогда как на самом деле Шатов вместе с Кирилловым, Верховенским и Ставрогиным стоит в ряду соблазняющих Россию «бесов»... – Вот чистый духом и глубокомысленный А. С. Хомяков изображается как «одержимый» «честолюбец» и предшественник большевиков... Шельтингу и его всеискажающей католической пропаганде нужно изобразить религиозно-лирические мечты славянофилов, как «беспримерную» претензию русского раба, как предел национальной и религиозной гордыни. Но зато о германском империализме, подготовлявшемся у Фихте Старшего («Речи к немецкому народу»), у Гегеля («Философия права»), и у других публицистов и генералов, и, наконец, осуществленном в 1914–1918 году (Вильгельм II), а потом 1933–1946 годах (Гитлер), он не имеет ничего сказать. Кто такие «славянофилы»? Это – известные русские империалисты-завоеватели. А большевики? Это – последователи славянофилов, перенявшие у них: 1) социализм, 2) панславизм. – Таков уровень образования и правдивости у этого новейшего (но далеко не последнего) ненавистника России.

О России же нам надо признать, что история, действительно, принесла русским много страданий и унижений. Страдания преодолевались национальной верностью, молитвою,

терпением, трудом и юмором, унижения же чужеземного ига ликвидировались активным, всенародным воинским напряжением. Но об этом самоосвобождении русского народа — ни Чаадаев, ни Шельтинг не желают знать: они нуждаются для своих ложных конструкций только в бывших унижениях. Спросим, однако, какие же такие иностранцы освободили Россию от татарского ига? Какие такие чужеземные «благодетели» прикончили Смуту? Какие «дванадесять языков» выбросили из России наполеоновщину? Какие «завоеватели» погасили в России сословно-крепостной строй и дали в XX веке великие реформы? Но если Шельтинг знает хотя бы эти основные факты, т. е. что все было как раз обратно, то зачем же он пишет глупости? Самоосвобождение есть единственный, достойный человека способ прекращения зависимости и вся история России есть не что иное, как самоосвобождение; а кто в этом сомневается, тот в скором времени в XX веке получит новое веское подтверждение этого.

Да, татарское иго задержало в России культурное развитие на 250 лет. Однако крепостное право существовало и в Европе, везде кроме Швеции. Европейское крепостное право со всем его бесправием и уродливостью начало угасать в 1788 году (Дания), и процесс этот завершился в Австрии в 1850 году. Россия отстала в этом от Европы всего на одиннадцать лет (1861) и погасила свое крепостное право на таких выгодных условиях для крестьян, которым был бы рад любой европейский крестьянин. Но освобождение крестьян могло

осуществится в России лишь тогда, когда русский Император после семи дворцовых переворотов (1725–1825), при которых три Государя погибли (Иоанн VI, Петр III, Павел I), сумел утвердить свою независимость от сословно-реакционно-го дворянства (свое «самодержавие»). Знания и понимания этого трагического и длительного процесса Шельтинг не обнаруживает совсем. Ему важен католицизм и поругание русского народа; остальное ему безразлично. Ему важно показать, что русская душа есть душа раба, жаждущая завоевания мира.

Спросим же: когда в 1917 году русские солдаты оставили фронт и разбежались по домам, – было ли это проявлением русской всенародной агрессивности? В чем проявилась воля русской души к экспансии, когда русская армия в 1939 г. позволила маленькой финской армии наносить себе поражение за поражением? Или, может быть, мечта о завоевании мира стала особенно актуальной в русской душе, когда в 1941 году от 4 до 5 миллионов русских солдат складывали оружие перед немецкими агрессорами и вместе со своими офицерами уходили в немецкий плен в порядке пораженчества?... Или все эти исторические проявления, в свое время предвиденные и предсказанные у Достоевского, остались неизвестны католическому памфлетисту? Или он настолько презирает своих европейских читателей, что считает возможным навязывать им «во спасение» любую ложь, и такую ложь?

В истории иностранной литературы о России имя Алек-

сандра фон Шельтинга будет занесено на черную доску наряду с другими именами вроде маркиза Кюстина, подозрительной мадам Экштейн, нациста Розенберга и других ненавистников нашего народа и отечества. И это состоится совершенно независимо от того, разбирается в такой «литературе» современная эмиграция или нет. Ибо вот совсем недавно один эмигрантский журнал нашел возможным рекомендовать этот конфессиональный памфлет как «обстоятельный и объективный труд» «особенно иностранцам, желающим ознакомиться с русской мыслью XIX века»...

Что сулит миру расчленение России

1. Беседуя с иностранцами о России, каждый верный русский патриот должен разъяснять им, что Россия есть не случайное нагромождение территорий и племен и не искусственно слаженный «механизм» «областей», но живой, исторически выросший и культурно оправдавшийся ОРГАНИЗМ, не подлежащий произвольному расчленению. Этот организм (см. «Н. З.» 92 и 93) есть географическое единство, части которого связаны хозяйственным взаимопитанием; этот организм есть духовное, языковое и культурное единство, исторически связавшее русский народ с его национально младшими братьями – духовным взаимопитанием; он есть государственное и стратегическое единство, доказавшее миру свою волю и свою способность к самообороне; он есть сущий оплот европейски-азиатского, а потому и вселенского мира и равновесия (см. «Н. З.» 45 и 46), Расчленение его явилось бы невиданной еще в истории политической авантюрой, губительные последствия которой человечество понесло бы на долгие времена.

Расчленение организма на составные части нигде не давало и никогда не даст ни оздоровления, ни творческого равновесия, ни мира. Напротив, оно всегда было и будет болезненным разладом, процессом разложения, брожения, гниения и всеобщего заражения. И в нашу эпоху в этот про-

цесс будет втянута вся вселенная. Территория России закипит бесконечными распрями, столкновениями и гражданскими войнами, которые будут постоянно перерастать в мировые столкновения. Это перерастание будет совершенно неотвратимым в силу одного того, что державы всего мира (европейские, азиатские и американские) будут вкладывать свои деньги, свои торговые интересы и свои стратегические расчеты в нововозникшие малые государства; они будут соперничать друг с другом, добиваться преобладания и «опорных пунктов»; мало того, – выступят империалистические соседи, которые будут покушаться на прямое или скрытое «аннексирование» неустроенных и незащищенных новообразований (Германия двинется на Украину и Прибалтику, Англия покусится на Кавказ и на Среднюю Азию, Япония на дальневосточные берега и т. д.). Россия превратится в гигантские «Балканы»; в вечный источник войн; в великий рассадник смут. Она станет мировым бродилом, в которое будут вливаться социальные и моральные отбросы всех стран («инфильтранты», «оккупанты», «агитаторы», «разведчики», революционные спекулянты и «миссионеры»; – все уголовные, политические и конфессиональные авантюристы вселенной. Расчлененная Россия станет неизлечимую язвою мира.

2. Установим сразу же, что подготовляемое международною закулисою расчленение России не имеет за себя ни малейших оснований, никаких духовных или реально-поли-

тических соображений, кроме революционной демагогии, нелепого страха перед единой Россией и застарелой вражды к русской монархии и к Восточному Православию. Мы знаем, что западные народы не понимают и не терпят русского своеобразия. Они испытывают единое русское государство, как плотину для их торгового, языкового и завоевательного распространения. Они собираются разделить всеединый российский «веник» на прутья, переломать эти прутья поодиночке и разжечь ими меркнувшей огонь своей цивилизации. Им надо расчленить Россию, чтобы провести ее через западное уравнивание и развязание, и тем погубить ее: план ненависти и властолюбия.

3. Напрасно они ссылаются при этом на великий принцип «свободы»: «национальная свобода» требует-де «политической самостоятельности»... Никогда и нигде племенное деление народов не совпадало с государственным. Вся история дает тому живые и убедительные доказательства. Всегда были малые народы и племена, не способные к государственному самостоянию: проследите тысячелетнюю историю армян, народа темпераментного и культурно самобытного, но не государственного; и далее, спросите – где самостоятельные государства фламандцев (4,2 млн. в Бельгии, 1 млн. в Голландии), или валлонов (4 милл.)? почему не суверенны уэльские кимры и шотландские гэлы (0,6 млн.)? Где государства кроатов (3 000 000), словенцев (1 260 000), словаков (2,4 млн.), вендов (65 000), французских басков (170 000), испанских

басков (450 000), цыган (до 5 млн.), швейцарских лодинов (45 000), испанских каталонцев (6 млн.), испанских галлегосов (2,2 млн.), курдов (свыше 2 млн.) и многого множества других азиатских, африканских, австралийских и американских племен?

Итак: племенные «швы» Европы и других материков совершенно не совпадают с государственными границами. Многие малые племена только тем и спаслись в истории, что примыкали к более крупно-сильным народам, государственным и толерантным: отделить эти малые племена значило бы или передать их новым завоевателям и тем окончательно повредить их самобытную культурную жизнь, или погубить их совсем, что было бы духовно разрушительно, хозяйственно разорительно и государственно нелепо. Вспомним историю древней римской империи, – это множество народов «включенных», получивших права римского гражданства, самобытных и огражденных от варваров. А современная Великобританская Империя? И вот, именно таково же культуртрегерское задание единой России.

Ни история, ни современное правосознание не знают такого правила: «сколько племен, столько государств». Это есть новоизобретенная, нелепая и гибельная доктрина; и ныне она выдвигается именно для того, чтобы расчленить единую Россию и погубить ее самобытную духовную культуру.

4. Далее, пусть не говорят нам о том, что «национальные меньшинства» России стояли под гнетом русского большин-

ства и его Государей. Это вздорная и ложная фантазия. Императорская Россия никогда не денационализировала свои малые народы, – в отличие хотя бы от германцев в Западной Европе.

Дайте себе труд заглянуть в историческую карту Европы эпохи Карла Великого и первых Каролингов (768–843 по Р. Х.). Вы увидите, что почти от самой Дании, по Эльбе и за Эльбой (славянская «Лаба»!), через Эрфурт к Регенсбургу и по Дунаю – сидели славянские племена: Абодриты, Лютичи, Лионы, Гевелы, Редарии, Укры, Поморяне, Сорбы и много других. Где они все? Что от них осталось? Они подверглись завоеванию, искоренению или полной денационализации со стороны германцев. Тактика завоевателя была тако-ва: после военной победы в стан германцев зазывался ведущий слой побежденного народа; эта аристократия вырезывалась на месте; затем обезглавленный народ подвергался принудительному крещению в католицизм, несогласные убивались тысячами; оставшиеся принудительно и бесповоротно германизировались. «Обезглавление» побежденного народа есть старый общегерманский прием, который был позднее применен и к чехам, а в наши дни опять к чехам, полякам и русским (для чего и внедрены были в Россию большевики с их террором).

Видано ли, слыхано ли что-нибудь подобное в истории России? Никогда и нигде! Сколько малых племен Россия получила в истории, столько она и соблюла. Она выделяла,

правда, верхние слои присоединенных племен, но лишь для того, чтобы включить их в свой имперский верхний слой. Ни принудительным крещением, ни искоренением, ни всеуравнивающим обрусением она никогда не занималась. Насильственная денационализация и коммунистическая уравниловка появились только при большевиках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.